

44825
K

С а б и т М у к а н о в
**РАСЦВЕТАЙ,
РОДНАЯ СТЕПЬ**

Сабит Муканов

РАСЦВЕТАЙ, РОДНАЯ СТЕПЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1 9 5 5

Перевод с казахского
Ф. МОРГУНА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ

Присылайте ваши отзывы о **содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении** книги, а также **пожелания автору и издательству**.

Укажите ваш **адрес, профессию и возраст**.

Пишите по **адресу: Москва, А-55, Сушевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.**

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Каждый человек любит своих родителей. Я тоже любил отца и мать. Но отец умер, когда мне было шесть лет, год спустя не стало и матери. Время стирает следы и на камне, не только в памяти. Поэтому их образы встают сейчас передо мной, как сквозь дымку густого тумана. И все же моя любовь к ним велика и теперь: они дали мне жизнь, за короткие годы детства и видел от них столько любви, ласки и заботы, что в годы горького сиротства они долго согревали меня.

Ни на одной географической карте не обозначена местность, где поконится прах моих отца и матери, и не найти постороннему человеку затерявшиеся в бескрайней степи два маленьких холмика, но я найду их с закрытыми глазами.

Местное название урочища, где похоронены мои родители, — Жаманшубар. Жаман по-казахски — плохой, шубар — молодой редкий лесок в степи. Такой лесок и был когда-то в наших местах. Но почему он назван плохим? Для ответа на этот вопрос и надо взглянуть в историю.

Более двух столетий назад на огромном пространстве от Янка на западе до Иртыша на востоке, от Сыр-Дарьи на юге до Ишима и Нуры на севере почти не было ни городов, ни сел. Казахские аулы кочевали и летом и зимой, не сооружая постоянных строений.

В те далекие времена мои предки, принадлежавшие к роду керей, кочевали в долине реки Сыр-Дарья.

В лето 1723 года в долине Сыр-Дарьи случилась большая засуха. Но страшнее засухи нашествие врага. В тот же год джунгарский хан, владычествовавший на землях нынешнего Семиречья, напал на сырдарьинских казахов. Он разорял аулы, грабил скот и имущество, убивал и угонял в рабство мирное население. Спасаясь от неминуемой гибели, уцелевшие казахские аулы бежали к границам России. Простые русские люди встречали их радушно и гостеприимно. С тех пор многие казахские роды стали добровольно принимать русское подданство, навсегда связывая свою судьбу с русским народом.

В те годы мои далекие предки и поселились на севере Казахстана, на территории нынешнего Кара-Камысского сельсовета Пресногорьковского района Кустанайской области. Нет здесь ни гор, ни больших рек. Только хвойные и березовые леса да большие озера украшают и разнообразят одинаковую на сотни километров степь. Наш аул раскинул свое зимовье под защитой большого леса, и люди дали ему красивое название — Карагаши, что значит — дремучий лес.

Полюбились эти места аульчапам, и, кто знает, может, навсегда они осели бы в Карагаше. Но в 1892 году царское правительство отобрало Карагаши для переселенцев и вынудило наш аул покинуть обжитые места.

Куда идти? Свободной земли, подходящей для нового становища, поблизости не было. Оставались только жайляу — летние пастбища для скота.

Жайляу в тех местах было чудесное. Оно протянулось с юга на север, от реки Ишим до станицы Пресногорьковской, более чем на полтораста километров в длину и на сотню — в ширину. Зимой степь лежала под тяжелой пеленой снега, а в летние месяцы сюда прикочевывали сотни аулов с многочисленными стадами, и она оживала. В дождливые годы в степи росли такие густые и высокие травы, что пробежит жеребенок — и не увидишь.

На этом жайляу и решили поселиться мои роди-

чи, игнанные из Карагаша. Но не везде на жайляу можно строить зимовье. Надо было найти такое урочище, где другие не становятся на летнюю кочевку и где можно накопить сена на зиму для целого аула.

Исколесив жайляу вдоль и поперек, мои родичи облюбовали себе место в степи меж четырех больших озер — Жар-коль, Алыпкаш, Батпак-коль и Дос. Летом здесь бывает много комаров, оводов и всякой мошкары, и ни один аул не остановится вблизи такого места, беспокойного и для человека и для скота. А для постройки зимовья здесь было все: вокруг — богатые сенокосы, поблизости — лесок, который укроет от зимних буранов, достаточно топлива, а с глубины в пять-шесть аршин можно достать вволю вкусной пресной воды. И большое, хорошее озеро Дос недалеко.

На одной из небольших лесных полянок и построил свое зимовье наш аул, насчитывавший около сорока семейств. Первая зима прошла благополучно. Но осенью следующего года жителей аула снова постигло бедствие.

У кочевых аулов издавна существовал обычай — осенью или ранней весной сжигать старую сухую траву на своих летних кочевьях. Этим преследовались две цели: во-первых, при сжигании прошлогодней травы настище обеззараживается, погибают и личинки насекомых и микробы заразных болезней скота; во-вторых, на месте сожженной буйно растет молодая, более питательная трава.

Но недосмотру или по злому умыслу врага где-то в степи возник огромный пожар. Подгоняемый ветром, бегом, уничтожая все на пути, добрался до нашего лесочка и ожесточенно набросился на зимовье. Сгорело все имущество моих одноаульчан, погибло много скота и людей.

Некуда было деваться погорельцам, неоткуда ждать помощи. Кое-как устроились на пепелище, а оставшийся скот спасали всю зиму, добывая тростник и камыш на окрестных озерах. К счастью, зима выдалась теплой. С весной и жизнь стала налаживаться. Наученные горьким опытом аульчане обезопасили себя на случай пожара. С помощью русских крестьян из

соседних сел они открывали широкой полосой
вокруг, опоясали его рвом.

Так новое зимнее моты одноульчан оказалось
«жаман» — плохим. Вот почему и урочище назвали
они Жаманшубар. С тех пор и наш аул стал называться
Жаманшубар, а мы — его жители — жаманшубар-
цами.

Зимой в этих местах выпадают обильные снега.
По снежной целине можно проехать лишь верхом, да
и то на сильном, выносливом коне. Ветры и снежные
бураны не утихают неделями, им негде задержаться
в степи. В дни, когда над степью беснуется жынды
буран*, прозванный так казахами за особую свирепость,
когда всадник не видит ушей своей лошади, никто
не решается отлучиться из аула. Все, накрепко
закрыв ворота, сидят дома да получше кормят скоти-
ну, если сумели приготовить сено.

Когда, пробушив несколько дней, утихнет такой
буран, зимовье узнаешь только по редким дымкам,
что тянутся от сугробов в сияющее небо, — все зем-
лянки выше крыш заносит снегом. Затем с трудом
открываются двери землянок и люди широкими дере-
вянными лопатами прорывают глубокие траншеи —
«ходы сообщения» от одной землянки к другой.

Чтобы хоть немного помешать бурану, в начале зи-
мы вокруг всего зимовья ставятся высокие щиты из
камыша. Подгоняемый ветром снег задерживается
у щитов, образуя огромные сугробы. После нескольких
буранов сугробы превращаются в снежные холмы, и
тогда на них ставится второй ряд камышитовых щитов.
От лютых морозов снег затвердевает настолько, что
по нему, не проваливаясь, проходит даже скот.

Для детей снежная горка у щитов представляла
двойной интерес: с нее они катались, на ней устраи-
вали снежные ямы, ловушки для зайцев. В безлесном
Жаманшубаре не у каждого мальчишки были соб-
ственные санки. Те, у кого не было санок, катались
с горки на ледяных санках, а то и на полах собственных ха-
латов. Катались с утра до позднего вечера. Ничего,

* Жынды буран — буквально — сумасшедший буран.

что одежка плоха, что лютый мороз обжигает уши, нос, щеки... И если поземка, окрашенная лучами предзакатного солнца, походила на багровое пламя, то щеки мальчишек рдели на морозе, как алая заря.

Но все-таки самым интересным занятием зимой была ловля зайцев. На самом высоком сугробе мы рыли глубокую яму, разжигали в ней костер из соломы или сухого сена, отчего стенки покрывались ледяной коркой. Потом яму слегка прикрывали тонкими веточками и сверху посыпали клевером. Проголодавшийся за зиму заяц бросался на клевер и попадал в ловушку. Когда на следующий день утром мы приходили к яме, заяц уже сидел в ней, притаившись в уголке, робко прядая ушами. Как увлекала детей такая охота!

Снег в Жаманшубаре обычно начинает таять в первой половине апреля. Талые воды ненадолго задерживаются в небольших впадинах и болотцах, образуя круглые озера. В солнечные дни они блестят, словно блюдца, на необъятной зеленой скатерти степи.

Даже после того как снег сойдет, жаманшубарцы не сразу покидали свое зимовье, — до наступления солнечных дней молодой скот надо поберечь в тепле. Жаманшубарцы занимались исключительно животноводством. Скот был у каждого. А если есть скот — есть и приплод. И с наступлением весны нам, детям аула, казалось, что нет ничего интереснее, чем пасти молодняк. В детстве я искренне считал катанье на телегах самой увлекательной забавой.

Когда земля подсыхала, в нашем Жаманшубаре и в окрестных аулах начинали жечь прошлогоднюю траву на летних пастбищах. Теперь зимовье было ограждено от пожара широкой полосой вспашки и кольцами рвов, и огонь для него был не страшен.

Я часами любовался этим устроенным самими людьми пожаром. Удивительно прекрасное было зрелище. Днем над Жаманшубаром нависала густая синя дымовая завеса, и только с наступлением ночи становилось видимым все движение степных огней. Вои где-то за озером тонкие полоски красно-рыжих огненных лент, подгоняемые легким ветерком, окру-

жили кольцом обширную поляну, вспыхнули и, видно встретив на своем пути широкую колею дороги или большую лужу, замерцали и исчезли во мраке ночи. Другие, словно играя, вперегонки добираются до окружающих Жаманшубар канав и рвов и тут, будто задохнувшись от быстрого бега, сразу гаснут... Долго вся степь переливается то вспыхивающими, то гаснущими огнями, и только Жаманшубар кажется счастливым островком в кольце бушующего огня.

В наших местах бывает пора, называемая куралайскими холодами. Они продолжаются несколько дней и обычно совпадают с началом мая. Как уверяют старики, в эти дни распускаются почки таволги и телится куралай*. Только когда пройдут куралайские холода, начинается настоящее потепление, и жаманшубарцы покидают свои землянки и перебираются в войлочные кибитки на летнее пастбище у берегов озера Дос.

Южная сторона озера холмистая. На склонах этих холмов и располагались жаманшубарцы.

И зимовье Жаманшубар и наше жайляу у озера Дос на всю жизнь остались в моей памяти как яркие, незабываемые впечатления детских лет. Но недолго прожил я там. Когда мне было шесть лет, умер отец, а вскоре и мать. Я и сестра моя Ултуган, которая была старше меня только на три года, остались круглыми сиротами.

Тринадцатилетним мальчиком покинул я Жаманшубар и Дос, чтобы тянуть тяжелую лямку батрака. И всегда я тосковал по ним не меньше, чем по своим родителям. Судьба бросала меня из одного аула в другой. Но никогда не упускал я случая хоть ненадолго заехать в родные места, чтобы полежать на зеленой луговой траве, искупаться в чистых, прозрачных водах Доса.

В 1925 году в наших местах началось плановое землеустройство. Полукочевые аулы, выбрав себе земельные угодья и получив у государства разрешение на право пользования ими, стали окончательно оседать.

* Куралай — самка кинка (серны).

Жайлы у озера-Дос опустело. Жаманшубарцы тоже не захотели одни оставаться в этой огромной степи. Они попросили предоставить им для поселения урочище Карагаш, откуда в конце прошлого века выехали их царское правительство. К тому времени урочище Карагаш числилось в землях государственного фонда и пустовало. Просьба жаманшубарцев была удовлетворена. Летом 1928 года они навсегда переселились в Карагаш.

Только спустя девять лет удалось мне снова побывать в родных местах.

На наше бывшее жайлыу я въехал со стороны деревни Анновки, что в 35 верстах от места, где был когда-то Жаманшубар. С первых лет соседства жаманшубарцы, не занимавшиеся хлебопашеством, покупали хлеб у анновцев. В те времена у многих русских крестьян не было своего тягла. У бедных скотоводов-казахов не было хлеба. Поэтому многие казахи уступали русским крестьянам на лето своих лошадей и волов, и осенью получали от них зерно. Взаимная помощь сблизила и подружила казахскую и русскую бедноту. Эту дружбу казахи называли тамыром*.

В Анновке я стал расспрашивать о дороге на Жаманшубар. Многие старики еще помнили «Горелый аул». Они рассказали, что после переселения жаманшубарцев в Карагаш никто из Анновки в сторону наших аулов не ездил, дорога заросла травой, и теперь от нее остались только еле заметные следы.

Так оно и оказалось. Выехав из Анновки, старой дороги на Жаманшубар я не нашел. Но и с закрытыми глазами я смог бы добраться до нашей бывшей зимовки. Пусть аулы переселились, но родная степь осталась той же. Я знал, что по пути здесь встретится рошица Бузау комген (Зарыт теленок), дальше — небольшая полянка Ит кырылгап (Собачья гибель), потом дно высыхающего летом озера Айман, роща Шабдан кашкап (Чорт убежал), за ней — роща Кунашпак (Жеребенок) и, наконец, — Жаманшубар.

* Тамыр — буквально — корень, в переносном смысле — друг.

Жаманшубар открылся мне новый, неизвестный, и я невольно залюбовался им. После ухода нашего аула в Карагаш в жаманшубарской степи выросли рощицы и лесочки. Не тревожимые никем, они разрастались с каждым годом, некоторые деревья уже достигли толщины оглобли.

В жаркие летние месяцы в этих местах с утра до захода солнца в знойном воздухе трепещут степные миражи. Раньше, когда здесь былолюдно, дальние аулы, зимовки, скирды и стога сена, пасущиеся в степи отары и табуны, неведомо откуда появляющиеся на дороге путники — все представлялось взору плывущим в легкой зыби сказочного моря. Теперь же, когда степь опустела, только чернеющие там и сям лесочки и рощицы кажутся островами, затерявшимися в необозримом океане.

В тот год весна была дождливая и вся степь покрылась высокой, сочной травой, а овраги и балки заросли густым, по пояс человеку ковылем. В кустах ковыля любят вить гнезда жаворонки. Их множество здесь. С восходом солнца взвиваются они в небо, замирают там, будто взятые на прикол, и звенят, звенят... Их называют у нас соловьями степи.

А ковыльиые балки! Они, казалось, насквозь пропахли земляничкой. Земляника — единственная ягода, обильно растущая в жаманшубарской степи. Какая она ароматная и вкусная! Заберись в густой ковыль, раздвинь в разные стороны его стебли, и перед глазами откроется бесчисленное множество крупных розовых ягод. Трудно оторваться от этого щедрого угощения природы! Но сколько ни собирай, а ягод словно и не убавляется. Особенно хороша земляника в дождливые годы. Ее собирают целыми ведрами, емкими тусами. Жаманшубарцы делали из нее пастилу. Они долго варили ягоды в котле, потом раскатывали густую массу в листы, сушили эти листы на солнце, свертывали в трубки и хранили в деревянных ларях. Сахар в те времена был редкостным лакомством в ауле и водился только у баев. Беднота же до следующего урожая ягод изредка подслащивала чай только этой пастилой собственного производства.

В Анновке я наслышался от стариков, что с уходом аулов в опустевшей степи появились новые жители. Если раньше здесь водились сурки да хорьки, волки, лисицы, изредка — горностаи и барсуки, то теперь целыми табунами пасутся и серны, и сайгаки, и косули, и даже дикие ослы — куланы, а в камышах возле озер и болот водятся дикие кабаны. Говорили, что в больших камышовых зарослях Шошкалы и Алыпкаша видели даже тигров. И это вполне возможно. Знающие люди утверждают, что где водятся кабаны, там должны быть и барсы. Но особенно здесь расплодился волки. Зимой многие встречали стаи по двадцать-тридцать штук.

Когда мы подъезжали к роще Бузау комген, из кустов выбежало несколько лосей. Они остановились, удивленно посмотрели на нас и, подпрыгнув, умчались в открытую степь. Я предложил погнаться за лосями, но шофер отказался: «Хорошо, если мы свалим наповал, а вдруг только раним? Тогда лось бросится на нас и ни на какой машине не спасешься — догонит, а после придется ставить машину на капитальный ремонт».

Возле рощи Шайтан кашкан перед нами промелькнуло стадо киников. Оно показалось в туманной дымке миража и тут же скрылось. Через несколько минут животные выскочили на холмик, и мы могли их разглядеть: кники бежали, откинув головы, с вытянутыми вверх острыми мордочками.

— Догоним! — предложил я.

— Попробуем, — согласился шофер.

Мы помчались. Но степь кое-где была прорезана промоинами — тут не разгонишься. Да и на предельной скорости вряд ли можно было догнать киников. По определению шофера, они бежали со скоростью 80—90 километров в час...

Поняв бессмысленность нашей затеи, мы прекратили преследование и свернули к озеру Алыпкаш — нам хотелось увидеть диких кабанов. Озеро большое — в один гон на хорошей лошади еле объедешь, — все вокруг заросшее густым, высоким камышом. Раньше возле него зимовали аулы рода Алдай, теперь же они осели на новых местах и долина пустовала. Мы объ-

ехали вокруг озера, кабанов нигде не встретили, но на топком берегу видели немало их следов.

Наконец уже к полудню мы добрались до места старого зимовья жаманшубарцев. Вокруг родные, дорогие памяти места. Я помню здесь все, могу указать, где чей двор стоял, где были наши снежные горки с ямами для ловли неосторожных зайцев. Я шел по улице, поглядывая по сторонам и узнавая в уже разрушенных временах, ветрами и дождями строения жилища моих сородичей. И вот, наконец, то, что я искал: почти развалившиеся глинобитные стены. Это недостроенная землянка нашей семьи. Отец, несмотря на тяжелую болезнь, начал строить эту саманную землянку, да так и не успел достроить ее.

Я смотрел на развалины, на окружающую их густую травяную степь и думал: «Почему пропадает такая плодородная земля? Почему не приходят сюда люди, не растревожат ее, не заставят плодоносить?»

Обидно было видеть край моего трудного детства, край богатый и плодородный, пустующим более четверти века. Хотелось, чтобы эти земли в полную меру служили советскому народу. Это мое горячее желание вскоре исполнилось.

НАЧАЛО НАСТУПЛЕНИЯ

Когда Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза на февральско-мартовском Пленуме принял историческое решение об освоении целинных и залежных земель, я по служебным делам был на Кавказе. Я читал это постановление и в радостном волнении видел неузнаваемо преобразенными бескрайние степи Казахстана. Передо мной вставал цветущий Жаманшубар и берега озера Дос. Ведь если начнется освоение целины и залежей, не будут забыты и мои родные места!

Вскоре газеты сообщили об организации нескольких зерновых совхозов на территории нашего жайлау. Мое сердце рвалось туда, куда устремился порыв десятков тысяч молодых энтузиастов. Хотелось своими глазами посмотреть, как преобразается земля, пусто-

вавшая более четверти века, поближе узнать людей, своим трудом изменяющих облик нашей степи. Однако осуществить это желание мне удалось лишь осенью 1954 года.

Из Алма-Аты в Петропавловск я вылетел на самолете. Мне хорошо знакомы места, над которыми пролегает трасса, но на этот раз они показались мне совсем иными. Квадраты возделанных земель намного расширились, рядом с ними появились новые, а в некоторых местах их границы даже с самолета не были видны! Да и как же иначе! Только за одно это лето в Казахстане распаханой новой земли больше, чем было распаханой за последние сорок лет: в фонд посевных площадей Родины влилось восемь с половиной миллионов гектаров!

В Петропавловске мне не удалось узнать, какие совхозы разместились на землях Жаманшубара, так как на географические карты они еще не были занесены. Дорогу к родным местам мне не надо было спрашивать.

Я хорошо знаю эту дорогу, помню, где какие аулы стояли раньше, какие колхозы там теперь. В попутных колхозах, особенно в казахских, было много неосвоенных земель — от 30 до 50 тысяч гектаров в каждом. Успели ли они обработать хотя бы часть этих земель?

Мои сомнения рассеялись, как только мы выехали из Петропавловска. По обеим сторонам дороги лежали вспаханные поля. Вдвинутая мощными плугами земля казалась безбрежным морем, чуть тронутым мелкой зыбью. Ровные борозды, как волны, катились куда-то вдаль и терялись у горизонта. Уже потом я узнал, что в Северо-Казахстанской области, кроме земель, освоенных двенадцатью новыми совхозами, в этом году колхозы подняли 352 тысячи гектаров целины.

В пути выяснилось, что на бывшей территории Жаманшубара расположился зерновой совхоз имени Докучаева, а попутно мы пересечем земли еще двух новых совхозов — имени Джамбула и «Украина».

Совхоз имени Джамбула был организован на базе колхоза того же названия. Ознакомившись с постанов-

лением февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС, члены этого колхоза на общем собрании пришли к выводу, что своими силами огромные площади земли, закрепленные за их колхозом, им не освоить, и решили просить правительство реорганизовать их колхоз в зерносовхоз. Правительство удовлетворило их просьбу.

Территория совхоза «Украинна» раньше была местом зимовки множества мелких аулов. Позже все эти аулы, получив земельные наделы, осели и объединились в колхозы, а их прежнее кочевье, радиусом в 40—50 километров, последние тридцать лет пустовало. Свою центральную усадьбу совхоз построил на месте бывшего зимовья Шаленке. На смежных с совхозом «Украинна» землях разместились совхозы имени Докучаева, имени Тимирязева и имени Хрущева, а в соседней Кустанайской области — совхоз имени Богдана Хмельницкого. Их земли с детства хорошо знакомы мне.

Шесть совхозов заняли 240 тысяч гектаров земли и с весны до сентября вспахали 132 тысячи гектаров целины. Теперь шло боронование.

Сто тридцать две тысячи гектаров!.. Легко сказать! Видно, огромные силы были брошены сюда, видно, мужественные люди трудились здесь, видно, решительным было наступление.

Как же началось наступление на целину в этом крае?

Как известно, постановление февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС об освоении целинных и залежных земель было обнародовано 2 марта. Этот день стал первым днем великого патриотического движения молодежи. В ответ на призыв партии во всех уголках нашей Родины тысячи молодых энтузиастов выразили желание поехать на освоение целинных земель.

Отъезжающие на целину, встретившись в Москве, отправлялись оттуда в Сибирь и Казахстан специальными эшелонами, которым уступали дорогу скорые пассажирские поезда: время не ждало, приближалась весна. Лишь в одну Северо-Казахстанскую область

прибыло более десяти с половиной тысяч целинников. Скоро в Петропавловск — областной центр Северо-Казахстанской области — стали поступать телеграммы с сообщениями о прибытии эшелонов. В жизнь города, и без того кипучую, влились новые дела: надо было принять тысячи новоселов, устроить их на первое время. На станции Петропавловск для семейных поставили четыре оборудованных под жилье вагона. Для холостяков были приготовлены общежития на 1 300 человек. Открылись новые столовые.

Первая партия целинников — 450 человек — прибыла в Петропавловск 14 марта в 6 часов утра. Несмотря на ранний час, встречать их пришли тысячи горожан. Играл оркестр. На возникшем тут же митинге выступали и гости и хозяева.

Этот день был знаменателем и другим важным событием — советский народ выбирал депутатов в Верховный Совет СССР. Избирательный участок разместился в привокзальном клубе. Когда поезд с целинниками остановился на станции Петропавловск, избиратели получили первые бюллетени. Вновь прибывшие предъявили удостоверения на право голосования и исполнили свой гражданский долг. Таким образом, в первый день своего пребывания в Казахстане они попали в число казахстанских избирателей.

Петропавловск — большой город, областной центр, у него достаточно возможностей принять людей. Куда труднее было в других местах. В сорока километрах от Петропавловска на Омской железной дороге есть полустанок Мамлютка. Три небольшие комнатки — вот и все помещение вокзала. Зал для ожидания едва ли вместит 20—30 пассажиров. И то ли потому, что на полустанке в самом деле бывало мало пассажиров, то ли по халатности управления дороги в Мамлютке не было ни буфета, ни даже бака с кипятком. Попробуйте на такой станции принять эшелон приехавших на целину, принять десятки составов с техникой и оборудованием для новых совхозов!

Между тем все, что прибывало для шести совхозов, которым предстояло освоить земли у Жаманшубара и Доса, должна была принять именно Мамлютка.

А как и где разместить людей?

Секретарь Мамлютского райкома партии Аркадий Васильевич Савилов вспоминает: вопроса о встрече обсудили на заседании поселкового Совета, поговорили с населением. Двести местных жителей пообещали временно принять целинников у себя. Пришлось уплотнить некоторые учреждения и организации. Сельпо приготовило к продаже новоселам валенки, полушубки, фуфайки, ушанки, рукавицы и другие теплые вещи. Вот только погода была против нас. В ночь, когда прибыл первый эшелон энтузиастов, разразился буран. Подготовили семьдесят грузовых машин, некоторые укрыли фанерными щитами — ведь приезжали и женщины с детьми. Все обошлось благополучно — гостей развезли по заранее подготовленным квартирам.

— Встретить людей — это еще полдела, — рассказывает Аркадий Васильевич. — Их надо было отправить в совхозы как можно скорее. Во-первых, ежедневно на станцию прибывали сотни новых людей, и для них тоже нужны были помещения; во-вторых, каждый из прибывших хотел поскорее добраться к месту работы.

Много пришлось поработать мамлютам. Снег лежал глубокий, да еще вдобавок буран позаметал все дороги так, что машины никак не могли пробиться. Пришлось заменить их тракторами. К тракторам цепляли большие, широкие сани, накладывали в них соломы, а на тех, в которых отправляли женщин и детей, оборудовали фанерные будки.

Но куда же ехали первые целинники, где они селились? Ведь из всех семи совхозов, составивших первую группу Октябрьского треста совхозов, лишь в одном совхозе имени Джамбула, организованном на базе колхоза, были помещения для жилья, остальные шесть существовали пока только на бумаге, и целинники ехали в пустую степь, со всех сторон открытую ветрам. Решено было разместить их до весны в соседних колхозах и совхозах. Так и сделали. Первую партию прибывших в совхоз «Украина» приютила у себя четвертая бригада совхоза имени Буденного.

— У нас всего около тридцати домов, — рассказал мне бригадир этой бригады Мухамеджан Елтунов. —

Потеснились. Большинство рабочих — казахи. Мы ведь с трудом отказываемся от некоторых старых аульных привычек. Например, — продолжал он улыбаясь, — мы не умеем печь русский кислый хлеб и едим пресные лепешки. Наши гости долго не могли привыкнуть к лепешкам, к баурсакам. Сперва отказывались и от бесбармака, а потом попробовали — понравился... Позже мы освободили одну землянку, и новоселы устроили в ней пекарню и кухню, стали готовить пищу по своему вкусу. И мы, старожилы, и новоселы наши делились всем, стол у нас всегда был общим. За короткое время мы крепко подружились и эту дружбу храним по сей день.

Весна в этом году была поздняя. Только в середине апреля начал таять снег. Под ногами зачавкала грязь. Сотни машин, которые по зимней дороге почти беспрепятственно перевозили и людей и грузы, буксовали и накрепко вязли в грязи. На дорогах были установлены специальные спасательные посты с мощными тягачами и тракторами. Движение не прекращалось ни днем, ни ночью. Люди, грузы доставлялись к месту назначения во-время.

Местами назначения были, конечно, пока только предполагаемые пункты строительства новых совхозов. Не так просто подобрать удобное место для центральной усадьбы: надо, чтобы и питьевой воды хватало, желательно, чтобы и лесок был поблизости. Полагаться на естественные озера нельзя: в засушливые годы многие из них высыхают. Надежнее — подпочвенная вода, но ее надо найти.

В апреле из Москвы, Алма-Аты и Петропавловска прибыли землеустроительные партии, меллиоративные группы, почвоведы. Все они буквально с ходу приступили к работе. К началу мая на местах будущих центральных усадеб и бригадных станов появились первые палаточные улицы. Теперь можно было собирать и людей, которые все еще жили в окрестных колхозах и совхозах. К этому времени приехали и директора будущих совхозов.

Раньше всех прибыл к месту назначения директор совхоза «Украина» Илья Карпович Григорьянц. Это бывалый человек, опытный руководитель. Еще до Ве-

ликой Отечественной войны работал директором одного из совхозов Ставрополя. В годы войны сражался на разных фронтах, отмечен многими наградами, дослужился до звания полковника. После войны Илья Карпович снова работал в родном краю директором совхоза. На этой должности его и застала телеграмма из Москвы. Через три дня Илья Карпович уже ехал в поезде Москва — Алма-Ата, получив назначение директором нового зерносовхоза «Украина».

В Петропавловске Григорьянц тоже долго не задержался. Узнав место расположения своего совхоза и получив две автомашины «ГАЗ-51», он погрузил на них 25 четырехместных и 4 двадцатиместные палатки, 10 пар валенок, 20 пар сапог, 50 лопат, 25 мотыг, 10 ломов и выехал в совхоз.

Своими руками Григорьянц вбил первый кол для палатки на берегу озера Киргизбай. Здесь было выбрано место для центральной усадьбы будущего совхоза. Когда поставили палатки, первыми переселились в них те, кто временно жил в бригаде Елтунова. Потом стали собирать и других рабочих, живших по колхозам, свозить имущество, технику и оборудование. И как только с этим было покончено, началось строительство центральной усадьбы.

В совхоз приехали люди из разных мест: из Краснодара, с Донбасса и Кубани, из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты. И, несмотря на то, что возраст у приехавших тоже разный, у каждого красная книжечка с комсомольским значком и надписью «ВЛКСМ» на обложке — комсомольская путевка. И это неудивительно: ведь сюда, на целину, на передний край, едут люди, молодые сердцем и душой, полные энтузиазма.

В гораздо более сложных условиях пришлось устраиваться соседнему с «Украиной» совхозу имени Докучаева. Поехали мы туда вместе с уполномоченным Центрального Комитета партии по Октябрьской группе совхозов Кулжаном Утегалиевым.

Дорога привела нас к давно покинутому зимовью казахского аула. Еще недавно эти места были густо скаймлены рощами и перелесками. Во время последних степных пожаров они изрядно пострадали, и те-

перь кое-где на месте бывших рощ торчали только наполовину обгорелые стволы берез.

Кулжан вдруг попросил шофера свернуть направо.

Шофер круто повернул машину в рощу.

Мы прошли несколько шагов по заросшей кустарником опушке. У одной березы Кулжан задержался и стал внимательно ее осматривать.

— Есть!.. Не стерлась еще!..

— Что есть?

— Вот читай!

На высоте человеческого роста кора на стволе березы была стесана, и на квадратике величиной с ладонь ясно виднелась надпись:

«Центр совхоза им. Д О К У Ч А Е В А

14.IV.1954 г.»

Кругом не было ни домов, ни палаток.

— Какой же это центр совхоза? — удивился я.

И Кулжан рассказал мне историю этой надписи. Сорок тысяч гектаров земли отведено совхозу имени Докучаева, и на них не оказалось ни жилья, ни живой души. До ближайшего населенного пункта 30—40 километров, и добираться туда надо по бездорожью — некому было здесь прокладывать дороги.

Когда первые новоселы были размещены на фермах соседних совхозов «Октябрь» и «Степной», парторг совхоза имени Докучаева Кашшаф Мухамедшин решил осмотреть окрестности, чтобы выбрать место для центральной усадьбы. Выехал он в степь на санях, прицепленных к гусеничному трактору. Захватил с собой карту с нанесенными на нее границами совхоза и компас. Сначала Мухамедшин взял направление правильное, но трудно ли отклониться от него в степи, где кругом, кроме белого снега и синего неба, — ничего, ни одного ориентира. И Мухамедшин заблудился. Долго трактор колесил по степи, и неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы не выручил старый казах-охотник, который появился неизвестно откуда в ту самую минуту, когда и Кашшаф и тракторист уже начали отчаиваться. Старик хорошо знал места, помог ориентироваться и рассказал много интересного.

Раньше здесь были зимовья трех аулов: Жаманшубара, Батпак-коля и Утей-дауша. В Жаманшубаре пользовались колодезной водой, но ее не всегда хватало, и зимой часто приходилось топить снег. В Батпак-коле было озеро, но ненадежное, в иные годы оно высыхало. Только у утейдаушцев всегда было вдоволь воды в колодцах.

Мухамедшин попросил старого охотника проводить их к месту бывшего стойбища утейдаушцев. Место понравилось — есть, хоть редкий, лесочек, кругом густые кустарники. Недолго думая, парторг достал в саях топор, стесал кору на березе и сделал вот эту самую надпись.

— Но почему же все-таки усадьбу совхоза не построили здесь? — спросил я Кулжана.

— Когда стаял снег, гидрологи обследовали это место, и оказалось, что вода в колодцах утейдаушцев была совсем не грунтовая, а талая, снеговая. Настоящая грунтовая оказалась намного глубже и соленая. А вот у Батпак-коля на глубине двадцати метров гидрологи обнаружили хорошие запасы пресной воды, и центральную усадьбу совхоза заложили там.

Но и после этого пришлось помучиться: очень уж дикие это были места. И пока не проторили дороги к новому совхозу, частенько приходилось плутать в безлюдной степи, опасаясь волков, которые, случалось, встречались целыми стаями.

Бухгалтер совхоза Кадыр Макин рассказал мне, как однажды на него напали волки. Макин ехал с шофером на грузовой автомашине. В кузове лежали палатки, кровати и разное другое имущество для совхоза. Стояла оттепель, и машина часто буксовала. То и дело приходилось вылезать из кабинки, раскапывать снег, подталкивать машину сзади. Хотя и медленно, машина продвигалась вперед, пока не попала в яму. Стало ясно, что без помощи тягача уже не выбраться. Между тем наступила ночь, ветреная и морозная. Помощи ждать было неоткуда, а до совхоза оставалось примерно десять километров. Тогда Макин решил пойти пешком до совхоза, чтобы выслать на помощь тягач.

Но едва он успел пройти несколько километров,

невдалеке послышался волчий вой. Макин похолодел. Человек, выросший в степном краю, хорошо понимает, что это значит. Раздался ответный вой с другой стороны, потом еще и еще. Не прошло и нескольких минут, как впереди, перерезая дорогу, пробежал волк. Не успел скрыться первый, как появился второй, но сзади. Қадыр остановился и огляделся: со всех сторон были волки — пять, шесть, десять. Кольцо постепенно сжималось...

Если допустить волков близко, то не сдобровать: одному железной палкой от стаи не отбиться. А как удержать их от себя подальше?

В кармане у Қадыра лежала коробка спичек, но, кроме вышитого носового платка — подарка жены, зажечь было нечего. Қадыр повязал платок на конец железной палки и зажег его. Волки остановились и тихонько завывали. Но сколько может гореть платок? Через две-три минуты снова наступил мрак, и волки стали приближаться. Қадыр успел оторвать кусок гимнастерки. Снова зажег факел, и волки, отскочив, остановились в отдалении. Вдруг недалеко вспыхнули фары автомашины, послышались гудки. Автомашинка шла прямо на Қадыра. Звери испуганно шарахнулись и скрылись в степи.

Қадыр любил при случае рассказать об этом «приключении», которое так удачно закончилось, и вообще о волках теперь он мог рассказывать без конца.

— Со мной что! Вот в соседнем совхозе «Октябрь» несколько лет назад произошел удивительный случай. Повредилась телефонная связь между совхозом и Марьевкой. Молодой паренек-связист отправился пешком искать обрыв и исправлять линию. Повреждение оказалось далеко от совхозной усадьбы. Обнаружив его, связист принялся за дело, но вдруг увидел большую стаю волков, бегущих прямо на него. Паренек испугался, но успел надеть кошки и влезть на столб. Волки окружили его. Они то выли, подняв морды вверх, то, обозлясь, высоко прыгали на столб.

Наступила ночь, становилось холодно, и связист, одетый легко, сидя без движения, стал замерзать. Будь что будет, решил он, лучше замерзнуть, чем достаться

волкам на обед. И он крепко привязал себя ремнями к столбу, чтобы не свалиться. Парень уже начал терять сознание, когда увидел яркий свет фар трактора...

— Кто же его спас?

— Ребята из совхоза. Долгое отсутствие связиста встревожило их, и они на тракторе выехали на розыски.

Обо всем этом я рассказываю потому, что волки действительно настолько расплодились в обезлюдившей степи, что первое время нападали на людей. Но теперь они стали трусливее и уходят отсюда в степи, что пока не тронуты, в леса. Ведь здесь им уже трудно найти пищу. Когда десятки тракторов принялись за распашку целины, все мелкие звери сбежали, приходиться уходить и волкам.

— Но интереснее всего, — сказал нам Кадыр, — наблюдать нашу степь не днем, а ночью. Я всю войну пробыл на фронте. Никогда не забудутся дни перед наступлением: на исходные рубежи стягивается техника, подвозятся орудия, боеприпасы. От непрерывного грохота и гула люди буквально глохли, а когда начинался артналет, казалось, сама земля разверзалась... Пожалуй, так же сурово выглядят и эти степи с первых дней наступления на целину. Но на фронте машины ходили потише и без огней, зато на целине огней не стесняются, и от множества пересекающихся крест-накрест лучей тракторных фар широко раскинутая степь кажется ночью по-особому красивой. При таком свете можно работать, как днем. А волки и лисицы, попав ночью в такое место, останавливаются, оглушенные грохотом, ослепленные светом, и стоят недвижимо, пока их не подстрелят...

Слушая рассказ Кадыра, я невольно вспомнил старого охотника деда Алдабергена, которому в этом году пошел сто второй год. Живет он в Северо-Казахстанской области, в колхозе «Майбалык» Пресновского района. Я давно с ним знаком и, когда ехал сюда, решил заехать к нему повидаться. Когда я остановился возле знакомого деревянного дома, из него вышел сын старика Суратай, с которым мы не встречались лет пятнадцать. Как он постарел!

Глядя на приятеля детских лет, я представил его отца. «Сын постарел, а каков же отец?» — подумал я. Хотя был же у нас такой случай: в наших краях жил некто Байсакал. У него было трое сыновей. Все они стали седыми, как лунь, а у самого Байсакала до восьмидесяти лет седина не коснулась ни головы, ни бороды. Как-то к ним заехал знакомый человек и, судя по бородам, поздоровался сперва с сыновьями, а потом уже с отцом, нарушив все обычаи. А когда гость за чаем узнал правду, он очень смутился и попросил извинения. На это Байсакал, улыбаясь, ответил: «Пусть это не смущает вас, смущаться должны мои сыновья. Года проживаю я, а седеют они!»

«Очевидно, и этот Суратай постарел раньше отца», — подумал я и спросил, как чувствует себя Алдаберген.

— Уже год, как он коротает дни в постели. Нынешней весной один раз он не утерпел — выбрался на улицу, долго сидел, смотрел. И с тех пор лежит не вставая, — ответил Суратай.

— А что побудило его встать? — спросил я.

— Через наши места, — ответил Суратай, — прошло много машин и оборудования для новых совхозов. Сначала машины шли в одиночку, и это никого не удивляло. Но вот однажды случилось такое, что все подумали — не конец ли свету пришел? Была ночь. Мы все спали. Меня разбудил крик: «Суратай, вставай скорее!» Я проснулся, сел, да так и застыл. Весь дом дрожал, как во время землетрясения. В комнате горела лампа, и пламя ее тоже дрожало... Со двора слышался гул, треск, грохот... Я глянул на отца — он тоже приподнялся и напряженно слушал. Все домашние проснулись и стали поспешно одеваться.

«Суратай, что случилось?» — спросил меня отец дрожащим голосом. Сам ничего не понимая, я накинул халат и выбежал из дому. Мои соседи тоже высыпали на улицу. И вот со стороны Благовещенки показались светящиеся фары — пара, вторая, десятая... Шла огромная колонна тракторов. Осветив своими прожекторами весь Майбалык, передние прошли мимо нас на жайляу. Под яркими лучами фар мы стояли ослеплен-

ные и слышали только грохот. По шуму нам казалось, что хвост колонны находится еще километрах в пятнадцать, в Благовещенке...

Я вспомнил об отце и бросился домой. Отец уже знал обо всем от впучат и одевался, собираясь выйти на улицу. «Вам станет хуже, вам нельзя выходить!» — уговаривал я его. Но куда там!

«Это первое чудо за все мои сто два года. Вы молоды, еще не то увидите, а я такого больше не увижу», — ответил он и приказал вывести его на улицу. Его почти не пришлось поддерживать, он шел сам, словно здоровье снова вернулось к нему.

Долго сидел отец около дома, проводил глазами более сотни тракторов и только иногда шептал: «Вот чудо». Когда скрылся последний трактор, он уже громко воскликнул: «Вот чудо!» — и больше не сказал ничего...

Мы вошли в дом. Во второй комнате, возле печки, на низкой деревянной кровати, до головы закрывшись теплым одеялом, лежал Алдаберген. Суратай рассказал ему о нас.

— А, значит, вот кто! — проговорил старик, поднимая голову.

Мы поздоровались. Поговорив о том о сем, я спросил старика о впечатлениях той памятной ночи. Старик заговорил отрывисто, часто и тяжело дыша:

— Я родился зимой. Мой отец Комис был настолько беден, что в его кибитке сквозь дыры было видно все небо. В день моего рождения сквозь эти дыры на постель матери падали хлопья снега... Когда мы были детьми, огонь добывали из кремня. Спички я увидел уже взрослым джигитом. Это был первый свет, который принесли русские в темную казахскую кибитку... А вот теперь мы дожили и до лампы, которая горит без жира...

В наши молодые годы казахи не знали, что такое телега, они ездили только верхом. Русские научили нас ездить сначала на двухколесной, а потом и на четырехколесной телеге. Потом мы стали ездить на автомобилях. А молодежь и на самолетах летает...

До моей старости казахи не занимались земледелием. Но у русских мы видели, как выращивается

хлеб. В советское время казахи научились сеять хлеб, у русских научились... Русские раньше пахали землю на волтах. Потом появился трактор. Трактор пришел и в наш аул. Мы стали есть хлеб, полученный у земли, вспаханной тракторами...

Но земли было много, вспахать ее всю колхозы не могли — не хватало сил. Я думал: настанет ли время, когда вся земля будет засеяна зерном? Верил — настанет, но вряд ли мне его доведется увидеть...

— А вы и о жайляу думали? — спросил я деда Алдабергена.

— А то как же! На этом жайляу прошли мои самые лучшие годы. Разве не больно мне было видеть его пустынным?

— Значит, хотите, чтобы на всей земле росли хлеба? — спросил кто-то из присутствующих.

— Земля создана для человека, — ответил дед. — Кто же должен пользоваться ею, как не человек?

— И рады вы, что в степь, на освоение целинных и залежных земель, пришли сотни тракторов, приехали тысячи людей?

— Такой радости, какую пережил я в весеннюю ночь этого года, когда тракторы шли мимо моего дома на земли жайляу, я не знал за всю свою жизнь. Теперь я спокоен — земля будет засеяна зерном!

Эта радость глубокого старика, многое видевшего на своем веку, показалась мне радостью самой истории.

Радуйся, история!.. Наступление на целину началось!..

ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ

С Кулжаном Утегалиевым мы расстались в совхозе «Украина». Мне жаль было потерять такого собеседника. Кулжан был в этих местах с первых дней первой целинной весны, знал, когда, кто и где разбил первую палатку, кто проложил первую борозду, был знаком со многими механизаторами и строителями и столько хорошего рассказывал о них. От него я уже знал о прославленных бригадирах тракторных бригад Степане Кузьмиче Шоломе и Владимире Константи-

новиче Иванченко, о веселой бригаде саманщиц Вали Кузнецовой и хлопотливых, неутомимых стариках плотниках, за три месяца построивших под руководством дедушки Сералы столько зданий в совхозе имени Джамбула, сколько в прошлом они не строили и за десяток лет. И мне хотелось поскорее встретиться, познакомиться с этими людьми, пожать их трудовые руки и от всей души поблагодарить за то, что они разбудили всками дремавшие степи — землю моих предков.

Возвратившись в «Украину» из совхоза имени Докучаева, я уже не застал там Кулжана Утегалиева и едва не разминутся с директором совхоза. Илья Карпович, собираясь ехать по бригадам, садился в машину.

— И у Шоломы будете? — спросил я.

— К вечеру, думаю, доберусь, си у нас дальше всех забрался.

— Так и я с вами.

В машине сразу же зашел разговор о Шоломе.

— Хороший, думающий тракторист, да и организатор неплохой. Добрую школу прошел, — неторопливо, как бы в раздумье говорил Илья Карпович. — Ему только тридцать три года, а пережил такое, что иному и на всю жизнь хватило бы. Двадцатилетним парнем ушел на фронт, четыре с половиной года водил свой танк в самом пекле, не одно укрепление вражье ломал, не одну реку форсировал, побывал далеко на западе и еще дальше на востоке. Домой возвратился — вся грудь в орденах и медалях. Родичи было начали звать в гости, а он на третий день пошел в МТС и попросил трактор. Хорошо работал, вскоре женился, хозяйством обзавелся.

Так бы, может, и всю жизнь прожил Шолома на Украине, если бы партия не позвала народ на новые большие дела. Прочитав постановление Центрального Комитета Коммунистической партии об освоении целинных и залежных земель, Степан Кузьмич заговорил о поездке на целину с женой. Александра Тихоновна не возражала. Одно ее беспокоило: как быть с сынишкой? Славику седьмой год, осенью ему предстоит идти в школу, а будет ли школа там, куда они поедут?

Степан Кузьмич успокоил жену:

— Вот увидишь, один из первых домов, построенных в новом совхозе, будет школой, да еще какой!

Шолома предложил жене работать прицепщицей, — ведь там, на целине, каждые рабочие руки особенно дороги.

— Да я же не умею, — засомневалась Александра Тихоновна.

— Ничего, пока начнем пахоту, я научу тебя.

Прибыв в совхоз «Украина», Степан Кузьмич первым получил трактор и первым выехал пахать. К этому времени землеустроители уже наметили клетки пахотных массивов в виде правильных квадратов с длиной сторон в два километра. Это значит, что в каждой клетке было четыреста гектаров. Между клетками шли полосы шириной в двадцать метров. Соединяясь друг с другом, они тянулись на десятки и сотни километров, некоторые из них стали дорогами.

Шолома работал на тракторе «С-80». Ему доверили первым проложить борозду на целинных землях совхоза. Ровные пласты, отрезанные десятью лемехами от девственного, метровой толщины чернозема, вставали ребром. Это не понравилось Шоломе: они должны оборачиваться полностью, иначе трава не задохнется и будут созданы условия для буйного роста сорняков.

Шолома пришел к выводу, что такое положение пласта зависит от неправильного наклона лемеха плуга. Но этот дефект есть во всех плугах, значит все их нужно переделывать. Можно, конечно, подсказать заводам, что и как сделать, но когда еще будут новые плуги, а целина не ждет...

Шолома внес предложение: чтобы пласт полностью оборачивался, надо пахать на высших скоростях, а для этого надо уменьшить нагрузку на трактор. Подсчитал, что если на «С-80» снять один пятикорпусный плуг, а в плуге для «ДТ-54» убрать два лемеха, то тракторы вполне смогут работать на второй и третьей скоростях, при этом «С-80» будет даже недогружен.

Это было ново и рискованно. Но руководители совхоза решились на эксперимент. Расчеты Шоломы ока-

зались правильными. Когда к трактору «С-80» прицепили только один пятикорпусный плуг и пустили его сначала на вторую, а потом и на третью скорость, плуг стал ложиться правильно, то-есть полностью оборачиваться. Проверка показала, что с уменьшением нагрузки на трактор не только улучшилось качество пахоты, но и повысилась производительность труда. Вскоре было созвано совещание механизаторов, на котором опыт Шоломы был узаконен и стал достоянием всех трактористов. В соседних совхозах тоже поддерживали Шолому.

Илья Карпович рассказал мне, что теперь в совхозе систематически перевыполняет дневные нормы и месячные задания не один Шолома. Бригады Скубакова, Козловцева и Трифонова все время выполняют по полторы нормы, и бригадиры их зарабатывают около шести тысяч рублей в месяц каждый.

— А как зарабатывают трактористы? — спросил я.

— Наши передовые трактористы: Герасименко, Краса, Лукьяненко, братья Мацан, Цоцорин да и многие другие — зарабатывают не менее двух с половиной — трех тысяч рублей в месяц.

— А прицепщики?

— И прицепщики неплохо зарабатывают. Да что я все сам вам рассказываю, — спохватился Илья Карпович. — Вот видите впереди палатки? Это бригада Трифонова. Заедем.

Мы свернули по хорошо укатанной дороге к полемому стану бригады. У крайней, самой большой палатки царило веселое оживление, звучали задорные шутки, сопровождаемые громким смехом. Оказывается, мы угодили к обеду. За длинным столом из слегка ошпательных, некрашеных досок собралась почти вся бригада. В алюминиевых мисках дымился наваристый борщ. Подшучивали над вихрастым пареньком, который всегда куда-то торопится и сейчас хватил горячего, как говорит, до слез. Мы поздоровались и не успели опомниться, как уже сидели за столом, а молодая повариха подносила нам две наполненные доверху миски подернутого янтарным жиром борща.

— Прошу отведасть обеда в нашем полевом ресторане, — шутливо кланяясь, проговорила она.

Мы изрядно проголодались и не заставили себя упрашивать. Рядом со мною сидела милотвидная, стройная девушка. Она, очевидно, стеснялась и ела медленно, не подымая головы.

— Вот и спроси свою соседку, она как раз прицепщицей работает, — сказал Илья Карпович, напоминая мне о недавнем разговоре.

— Сколько вы зарабатываете? — обратился я к своей соседке.

Девушка смущенно улыбнулась и сидела молча, опустив глаза.

Мне самому стало неудобно за свой вопрос, и я поспешил перевести разговор:

— Как вас зовут?

— Зинаида Владимировна... Да просто Зина, — поправилась она.

— Откуда приехали?

— Из Ленинграда.

— А там — работали, учились?

— На механическом заводе работала. А учиться много не пришлось, только ремесленное училище окончила — война помешала...

Позже, когда все вышли из-за стола, я разговорился с Зиной, и она рассказала мне печальную историю своего детства.

Родилась Зина в небольшом городке Ленинградской области, в рабочей семье. Ей было всего девять лет, когда началась война. Вскоре над городом стали появляться вражеские самолеты, начались бомбежки...

Враг приближался к городу. Началась эвакуация женщин и детей.

— Ну, Зина, собирайся! — сказала однажды мать, вернувшись со своего поста по обороне города. — Ты с Капочкой поедешь в тыл.

— А ты, мамочка?

— Я останусь, мне пока нельзя уезжать.

— Я без тебя, мамочка, никуда не поеду, — дрожащим голосом сказала девочка.

Мать обняла обеих дочерей и стояла молча, сдер-

живаясь, чтобы не разрыдаться. Неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы не появились два бойца с посережшими от дыма лицами.

— Почему не отправляете детей? — спросил один из них.

Мать быстро смахнула слезы, и лицо ее сразу посуровело. Она торопливо одела девочек потеплее, собрала в узелок их платяница, завернула все это в одеяло и приказала Зине:

— Возьми Капу и иди вот за этими дяденьками!

— А ты, мама? — крикнула Зина.

— Мне на работу! — сказала она и, не оглядываясь, быстро ушла.

Один солдат взял на руки Капу, другой — узелок, и пошли на вокзал. Последние дни мама не выпускала девочек из дому. Только теперь Зина увидела, как изменился город. Очень многие дома были разрушены, по улицам было трудно пройти. Больше всего Зине было жаль Дворец пионеров. Его построили только в прошлом году. Зина часто ходила туда, ее вышивка «Канарейка» была там на выставке. А теперь от Дворца остались одни закопченные стены. Зина не выдержала и громко заплакала.

— Не плачь, — сказал солдат, — прогоним фашистов и построим Дворец еще лучше.

Вокзал тоже был разрушен. На месте большого красивого здания лежали кучи щебня. Где-то что-то горело. Над перроном, над путями стоял густой синий дым. Было душно и угарно. Солдаты привели девочек куда-то в тупик и посадили в вагон. Внутри его тоже был дым, плакали дети. Вскоре поезд тронулся.

Сначала Зину и Капу повезли в Валдайск, а потом направили в детский дом в один из городов Свердловской области. В Ленинград они возвратились уже летом 1945 года. Капу устроили в интернат при средней школе, а Зина поступила в ремесленное училище. После окончания этого училища она и стала работать на механическом заводе.

Когда Зина прочитала в газете постановление Центрального Комитета партии о подъеме целинных и залежных земель, когда узнала, что комсомольцы их за-

вода собираются в новые края, она одной из первых подала заявление в заводской комитет комсомола.

— Почему вы решили поехать на целину? — задали ей вопрос на заседании комитета.

— Сердце велит! — коротко ответила Зина.

В совхозе «Украина» Зина работает с начала пахоты в бригаде Трифонова прицепщицей. Работает хорошо. Если обычный заработок прицепщицы 600—700 рублей в месяц, то Зина меньше 1 000—1 100 рублей не получает. Как она добилась этого, мне объяснил ее бригадир — Трифонов:

— Прицепщик не только прицепляет плуг к трактору, но и контролирует качество пахоты. Глубина вспашки должна быть двадцать два сантиметра. Если местность ровная, плуг сам собою идет на этой глубине. Но идеально ровные участки встречаются редко, на любой равнине есть вымоины, кочки, балки, кустарники. В таких местах лемехи поднимаются, а то и совсем выскакивают, пашут где мельче, где глубже, а если на впадине плуг не выправить, то он пройдет, сняв лишь верхний слой земли. На неровностях надо особенно внимательно следить за лемехами, приподымать или опускать их. Тут качество пахоты зависит уже не от тракториста, а главным образом от мастерства прицепщика. У неумелого прицепщика плуг и пашет неровно, не на одинаковой глубине, и делает огрехи. А где низкое качество пахоты, там и низкий урожай. Наша Зина хорошо это усвоила. И все делает как надо. Она у нас одна из лучших прицепщиц...

— Самая лучшая, — поправил Григорьянц.

— Это правильно, — подтвердил бригадир. — Она так регулирует плуг, что пахота везде получается одинаково хорошая.

— Зимой мы пошлем Зину на курсы трактористов, — сказал директор, — а там уж она найдет свой путь. Она не только отличная прицепщица, но и активная общественница, — ни один концерт самодеятельности без нее не обходится.

Казалось, мы совсем недолго были в бригадах Скубарева и Козловцева, но, видно, время, когда куда-нибудь спешить, тоже идет быстро.

К бригаде Шоломы мы подъезжали, когда уже совсем стемнело. Хоть и веторопливы в наших местах закаты, но мы и не заметили, как солнце село, как отпылала вечерняя яркая заря, как, все сгущаясь и сгущаясь, укрыла степь густая темнота, незаметно заглушившая все шумы трудового дня. Только далеко, у самого горизонта, медленно тлела неяркая тонкая полоска догоравшей степной зари, а ночную тишину нарушал доносившийся со всех сторон однотонный, размеренный гул тракторов да надрывисто кричал коростель, казалось преследовавший нас всю дорогу.

И вдруг впереди, над притихшей степью, разлилась привольная песня. Пели дружно и весело. Молодым, сильным голосам аккомпанировали гармоники. Они так заливисто звенели на разные голоса, будто гармонистов было по меньшей мере с десяток.

Мы удивленно переглянулись, и пока терялись в догадках, что бы это могло означать, шофер остановил машину. Толпа парней и девушек сразу же окружила нас, продолжая свой веселый хоровод. Мы вышли из машины. Перед нами, освещаемые яркими фарами вездехода, взявшись под руки, стояли десятка два парней и девушек и среди них четыре гармониста. Они весело переглядывались, видно очень довольные своей шуткой. Оказалось, что в бригаде было время перемены, все собралось на стане и, узнав от приехавшего из соседней бригады тракториста о предстоящем нашем приезде, решили встретить нас.

— Ну, вот и сам Степан Кузьмич Шолома, — сказал Илья Карпович, указывая на высокого смуглолицего мужчину.

Мы познакомились и вместе с молодежью направились к полевому стану, который оказался совсем рядом.

Приближалась смена, и на стане разгорелся спор между теми, кто заступает на работу, и оставшимися отдыхать. Первые приглашали нас с Ильей Карповичем поехать в степь и посмотреть ночную пахоту, вторые уговаривали остаться, отдохнуть, послушать песни, рассказать новости — у них было много вопросов к нам. Порешили так: я поеду с Шоломой посмотреть его работу, а Григорьянц останется на стане.

Незабываемое впечатление осталось у меня от этой ночи. Я сижу на тракторе рядом с Шоломой. Непроглядная темнота. Впереди видна только узкая полоса степи, освещенная голубоватым светом фар, а сзади под небольшим пятном неяркого света, словно мамы-ваюшнися на полдесятка расположенных под рамой плуга валов, вращались пласты красноватой земли. Оглушенный рокотом мотора, я вначале чувствовал себя неуверенно и сижу молча. Кажется, что огромная машина движется куда-то в неизвестность и вот-вот нырнет в пропасть. Но Шолома вел трактор ровно и уверенно. Постепенно я с ним разговорился.

— Ну как, обжились уже на новом месте? — спросил я его.

— Обжиться-то еще не совсем обжились, — как-то озабоченно ответил он. — Вот домик достраивают, начнем корешки пускать. На следующий год и огород посадим, скотинной обзаведемся, а там и сад разведем. А пока, видели, в палатках обитаем. Зато работа — есть где разгуляться! Идешь загонкой — душа радуется, точно скатерть степь: ни оврага, ни рытвины глубокой не встретишь. Мы уже свое задание намного перевыполнили.

— А как другие?

— И у других не хуже. Хороший у нас народ, работающий. Вот, я думаю, какая красота будет здесь в следующем году, когда мы засеем все вспаханное теперь пшеницей. Приезжайте, когда зазолотится она, полюбуемся вместе...

Сделав несколько кругов, я распрощался с Шоломой и возвратился на стан. Там беседа была в самом разгаре. Меня засыпали вопросами о литературе, о казахских писателях, о том, кто пишет книги о них, целинниках. Беседа затянулась далеко за полночь, и только на рассвете мы возвратились на центральную усадьбу, а утром я выехал в совхоз имени Докучаева, чтобы побывать у Иванченко.

С парторгом совхоза имени Докучаева Кашшафом Мухамедшиным я познакомился незадолго до этого. Он много рассказывал мне хорошего об Иванченко, о том, что его бригада — одна из передовых в совхозе,

что она при задании 3 тысячи гектаров вспахала 5 тысяч, что Иванченко не только работает хорошо, но и повеселиться умеет. Поэтому, встретившись на этот раз с Мухамедшиным, я прежде всего попросил отвезти меня к прославленному бригадиру.

— Да, бригадир наш прославленный... — спокойно ответил парторг. — Но трудовая слава даром не приходит. Целинники народ требовательный. Они не только подсчитают, сколько гектаров целины ты поднял, но и проверят качество вспашки: нет ли мелкой пахоты, сгрехов. И если идет слава о бригаде Владимира Константиновича Иванченко, так видно уж не к чему придраться в его работе.

Я попросил парторга рассказать мне об Иванченко: кто он, откуда приехал на целину. Оказалось, что прибыл Иванченко из Красноярского края. Все двадцать семь лет его жизни связаны с сельским хозяйством. Окончив семилетку, он остался работать в колхозе. Полюбил технику и стал трактористом. И хотя Владимир Константинович не член партии и даже не комсомолец, он одним из первых откликнулся на призыв партии поехать на освоение целины. С первой партией целинников приехал Иванченко в совхоз, ставил палатки, готовился к выезду в поле. Когда началась пахота, ему доверили проложить первую борозду. Славится Иванченко и как образцовый семьянин. В августе в совхоз приехала его жена Раиса Васильевна с семилетним сыном, и все на их семью не налюбуются: дружно живут, что называется — душа в душу.

За окном послышался шум автомашины.

— Поехали, — сказал Мухамедшин, поспешно укладывая какие-то бумаги в полевую сумку.

Бригада была недалеко, и через несколько минут мы уже очутились на месте.

Мухамедшин представил мне бригадира — стройного, светловолосого молодого человека. Держался он уверенно и независимо. Когда парторг назвал меня, Иванченко оживился.

— Наконец-то довелось увидеть здесь и писателя! — сказал он улыбаясь.

— Почему это вас удивляет? — спросил я.

— А как же, — ответил Иванченко, — приезжали к нам в совхоз ученые, агрономы, землемеры, гидротехники, учителя, конструкторы, врачи, приезжают партийные, комсомольские и профсоюзные работники, а писатели и артисты как сговорились — не едут. Вот вы первый...

Мне пришлось признать справедливость упрека. Мы разговорились с Иванченко. Спустя немного он спросил:

— Мы работаем в совхозе, организованном на землях Казахстана, значит мы теперь граждане Казахской республики. Так или нет?

— Безусловно!

— Если так, то мы хотим знать историю, географию, экономику, культуру и искусство республики, послушать хорошие лекции на эти темы. Но пока к нам с лекциями тоже не приезжают. А книг казахских писателей мы совсем не получаем.

Возьмем, к примеру, эти места, — продолжал Иванченко, показывая рукой на черневшие вдали остатки старых зимовий. — Говорят, там были зимовья кочевых аулов. Почему ушли отсюда аулы, куда? Никто из нас об этом не знает.

— А между прочим, ответы найти легко, — сказал, улыбаясь, Мухамедшин. — Ведь товарищ Муканов — уроженец одного из этих аулов.

Когда Владимир Константинович услышал от меня рассказ о моем родном ауле, о том, когда, куда и почему откочевал он, прославленный бригадир заволновался.

— Выходит, что вы и я... что мы с вами земляки! — воскликнул он. — Вы старожил этих мест, а я новосел. Так что позвольте вас вторично приветствовать, на этот раз как земляка, — и он крепко пожал мне руку.

— Мы не только «старожилы» и «новоселы». Земля эта издавна и ваша и моя, Владимир Константинович, ведь она советская! Расскажите же, как вы осваиваете эту землю.

— Пока и мы на землю не обижаемся и она, кажется, нами довольна, — ответил Иванченко. — Заме-

чательная земля! Чернозем больше метра толщиной. Солонцы встречаются редко. Девять десятых вспаханной моей бригадой земли — густо поросший ковылем чернозем. Просто диву даешься, как могла такая плодородная земля столько времени лежать неиспользованной.

— Причины известны, — ответил я. — Во-первых, земли, отведенные сейчас совхозам, — это излишки земельных богатств окрестных колхозов, поднять их им было не под силу; во-вторых, в этих местах мало воды. Почти все здешние озера в засушливые годы высыхают, а подпочвенная вода лежит глубоко, и без техники добыть ее не так-то легко; в-третьих, и землю нелегко освоить. Ведь она никогда не знала плуга. И только при таком размахе работ, с помощью такой могучей техники, какую шлют нам партия и правительство, можно освоить эти огромные плодородные массивы.

Вместе с Владимиром Константиновичем мы пошли осматривать участки, обработанные его бригадой.

Правду говорят, что о человеке лучше всего судить по результатам его труда. Я смотрел на вспаханное и уже проборонованное поле и не мог скрыть восхищения. Большую любовь к земле надо иметь, чтобы возделывать ее так. Лежит она, насколько можно окинуть взором, ровная, пушистая; края четырехсотгектарных участков отбиты четко, как по угольнику, казалось, будто кто-то богатырской рукой расстелил здесь огромные куски черного бархата, оставив между ними узкие полоски дорог.

Сколько ни ходил я по участку, не смог обнаружить огреха даже с ладонь величиной. Между тем в других бригадах мне встречались огрехи не то что с ладонь, но и с овечью шкуру. Некоторых нерадивых трактористов и перепыхивать заставляли. Мне вспомнились слова Кашшафа Мухамедшина: «Трудовая слава даром не приходит». Да, тут нужны и большое умение и высокая требовательность к своим товарищам по бригаде. Значит, сумел бригадир завоевать у них доверие.

Заговорили мы о трудностях, о том, что мешало работе.

— Горючее не успевали во время доставлять, — сказал Иванченко. — Были дни, когда из-за этого тракторы простаивали. А других трудностей не знаю. Конечно, без умения целину не вспашешь. Надо и профиль участка хорошо знать, все впадины и бугры, овраги и холмы, — только тогда и вспашешь на заданную глубину, по всем правилам агротехники. Но ведь все это зависит от нас, а те трудности, которые зависят от нас, мы старались преодолеть своими силами.

Главная причина несвоевременной доставки горючего, точнее — недостаточной обеспеченности тракторов горючим, заключалась в нехватке цистерн. В каждом совхозе работало по 40—50 тракторов, для них ежедневно требуются десятки тонн горючего, а подвозили его всего две-три автоцистерны, за 180 километров, из Мамлютки. Даже на предельной скорости машины могли сделать за день не более двух рейсов, а по плохой дороге — один. Бывало, что машины застревают в пути и простаивали по нескольку суток.

Вообще во всех совхозах, где я побывал, этот вопрос не был еще решен. Единственный путь создания необходимых запасов горючего — установить возле центральных усадеб совхозов большие, емкие баки и постепенно заполнить их. Такие баки уже начали строить в некоторых совхозах.

— Кстати, еще об одной трудности, — сказал Иванченко, шагая рядом со мной по своему участку. — Я побывал во многих местах, но нигде не видел такого множества комаров. Весной их здесь тьма-тьмушья. Работать в тяжелой одежде нам несподручно, а легкая не спасает от укусов. Но все-таки и эту трудность мы одолели.

— Как?

— А очень просто. Ведь комары разводятся в траве, особенно там, где бывают лужи задержавшейся талой воды. Когда мы вспахали все такие места, травы стало меньше и комаров убавилось. А в июле — августе, когда были вспаханы уже огромные массивы целины, комары вообще стали исчезать. Теперь по вечерам кое-где жужжат только одиночки.

В бригаде Иванченко остались нетронутыми два

небольших участка: березовой лесочек, чудом сохранившийся после степного пожара, и старое зимовье Жаманшубар с кладбищем нашего аула на окраине. Вокруг редких березок все было уже вспахано, и им теперь не угрожала опасность пожара.

— Мы не позволим никому их вырубать и не допустим, чтобы они сгорели, — сказал Иванченко. — Я слышал, что наш Тарас Григорьевич Шевченко вырастил парк на пустынном берегу Каспия. Мы вырастим здесь леса и сады. Разве это плохо?

Вместе с Иванченко мы зашли на кладбище. Когда в этих местах был еще аул, некоторые зажиточные аульчане огородили могилы своих близких. Но мои родители умерли в годы моего раннего детства, и место их погребения указывали лишь слежавшиеся холмики. Теперь деревянные ограды уничтожил огонь, камни исчезли, и только тесные ряды небольших холмиков да глубокая канава, выкопанная вокруг кладбища, говорили о том, что это за место. Я искренне поблагодарил Иванченко за то, что он не распахал кладбище.

— По закону, кладбище, брошенное больше двадцати лет назад, можно и вспахать, — сказал Иванченко, — но я этого не сделал. Я не знаю, кто здесь похоронен, но ведь все похороненные тут близки и дороги кому-то, как близки и дороги нам наши умершие родственники. Мы все должны чтить их память.

...Уже вечерело. Владимир Константинович пригласил меня к себе, пообещав угостить супом из овощей, выращенных в этих местах, и рыбой из озера Дос.

Мы пошли к «хате» Иванченко, которая оказалась обыкновенным полевым вагончиком, сделанным на алма-атинском заводе. Вагончик состоял из трех отделений: в двух боковых одна над другой прикреплены по три койки, а середина предназначена для кухни и душа.

В вагончике разместились две семьи: Иванченко с женой и сыном в одной половине, его напарник Головки со своей семьей — в другой.

Когда мы пришли, было время летучки — короткого производственного совещания, на котором подводятся итоги работы за день. Владимир Константинович не

стал нарушать установленного порядка. Мне тоже хотелось присутствовать на таком совещании. В бригаде было 32 рабочих. В тот день работало пять тракторов. Тракторист Василий Иванович Стрельцов выполнил дневную норму на 180 процентов. Ему и вручили переходящий вымпел — небольшой красный флажок, окаймленный золотой бахромой.

Приняв от Иванченко вымпел, Стрельцов важно зашагал и своему трактору «С-80» и прикрепил флажок над радиатором.

Когда летучка закончилась, разговор зашел об урожае, о планах на будущее. Иванченко сказал, что в 1955 году совхоз предполагает получить даже при самых неблагоприятных условиях не менее 16 центнеров с гектара, а при наличии дождей — даже по 30—40 центнеров.

Значит, если условия погоды будут благоприятными, то шесть совхозов, в которых я побывал, с поднятых в этом году 132 тысяч гектаров целины должны получить, считая вкруговую по 30 центнеров с гектара, 24 миллиона пудов хлеба.

Мы вошли на половину Иванченко. Раиса Васильевна подала обед: на первое — суп из свежих овощей.

— И картофель, и помидоры, и лук выращены на землях вашего Жаманшубара, — напомнил Иванченко, показывая на вкусно пахнущий суп.

Говорят, сухая ложка рот дерет, — лукаво подмигнул он. — Как вы смотрите насчет сотни граммов?

— Что же, можно!

Первый тост поднял Иванченко.

— Встреча здесь с представителем хозяев этих мест — для меня неожиданный и приятный сюрприз. Теперь я тоже казахстанец, тоже жаманшубарец. Если вы не против, — сказал он, — я хочу назваться вашим побратимом!

Мы выпили, поцеловались и после того, как пододбает побратимам, стали обращаться друг к другу на «ты».

На второе Раиса Васильевна подала жареную рыбу с картошкой.

— Специально для вас поджарила рыбу, — сказала она, ставя на стол пышущую жаром сковородку, — ведь она с вашего озера Дос... Дос — это слово, кажется, означает друг? Хорошее название. Сейчас оно стало просто символичным — здесь собрались представители разных народов. Все они — друзья.

Да, это были настоящие друзья. Они дали новую социалистическую душу моему Жаманшубару, моему озеру Дос, они угостили меня первыми плодами родной земли.

А какими вкусными показались мне эти плоды!

ПЕРВЫЕ ГНЕЗДА

В августе прошлого года в Северо-Казахстанском облздравотделе произошел такой случай. Утром к заведующему отделом Акжанову вошла высокая красивая молодая женщина. Очевидно, в приемной она долго плакала, глаза ее были припухшие и влажные, плечи, казалось, еще вздрагивали.

— Проходите... Чем могу помочь? — спросил Акжанов.

Вместо ответа женщина быстро достала из кармана платок и, закрыв лицо, заплакала навзрыд.

— Что с вами? — забеспокоился Акжанов. — Возьмите себя в руки, успокойтесь!

— Нет, я все равно не поеду! — выкрикнула она глухим голосом. — Не поеду!.. Можете отобрать у меня диплом, но я ни за что, ни за что не поеду!..

— Давайте сначала спокойно выясним все, — заговорил Акжанов.

Женщина перестала плакать и вытерла слезы:

— Сказала не поеду, значит не поеду. Вот мой диплом, можете оставить его у себя!

Акжанов взял диплом, «...Клара Рейнгольдовна Янко... окончила Алма-Атинский медицинский институт... Отметки — «четыре»... «пять». Пятерок больше... Врач...»

— Очень хорошо! — сказал Акжанов, положив диплом перед собой. — У нас врачей не хватает, особенно в новых совхозах. В области в этом году орга-

низовалось двенадцать новых совхозов, а врачей пока не добавилось. Хорошо, что из Свердловска в порядке шефства приехали на лето шестнадцать врачей, даже два профессора. Но к осени они должны возвратиться — все преподают в институте. Мы попросили направить к нам тринадцать выпускников Алма-Атинского медицинского института. Так, значит, вы одна из тринадцати?

— Да, — ответила Янко уже окрепшим голосом. — Но вы не думайте, что я поеду на целину!

— Почему?

— Мне только двадцать три года, мне хочется жить! А говорят, там, на целине, одни хулиганы, они ругаются и дерутся...

— Кто это вам наговорил? — засмеялся Акжанов.

— Наслышалась...

— Но от кого же?

— Не все ли равно? Я сказала, что на целину не поеду! Посылайте куда угодно, согласна жить в самой глухой деревне. А в отделе кадров ни с чем не хотят считаться и посылают только на целину. А кто имеет право меня заставить? Если бы я отказывалась вообще ехать в дальнее село — другое дело. А на целину пусть едет тот, кому жизнь надоела!..

— Хорошо, садитесь, поговорим, — предложил Акжанов. — Вы упорствуете напрасно. Представьте, что в новых совхозах могли случайно оказаться и один-два хулигана, но ведь абсолютное большинство приехавших — честные, культурные, передовые люди. Я недавно побывал в нескольких совхозах и встречался там с замечательной молодежью. Вы знаете, в каких условиях пришлось работать первым юношам и девушкам, приехавшим на целину. В большинстве совхозов не было теплых жилищ, и в морозные дни, ранней весной, все жили в палатках. В весеннюю распутицу новоселы терпели недостатки в продуктах и одежде. И, несмотря ни на что, изо дня в день выполняли и перевыполняли задания. Вот какие люди работают на целине, таких девяносто девять процентов. А тех, кто не оправдал доверия комсомола, давно уже нет в совхозах.

Акжанов видел, что Янко уже колеблется, но из упрямства не хочет сразу отказаться от своего мнения.

— Итак, — закончил Акжанов, — все ваши тревоги неосновательны. Поезжайте и убедитесь сами, — после смеяться будете над своими страхами.

— Нет, я не могу поехать, — в последний раз, уже неуверенно, попробовала отказаться Янко.

— Вы взрослый человек, — твердо сказал Акжанов, — прекрасно понимаете, почему я обязан послать вас в совхоз. И понимаете, что обязаны поехать. Вот и все. Счастливого пути!

Эту историю рассказала мне сама Клара Рейнгольд-овна Янко — врач совхоза «Украина».

— Ну и что же оказалось в действительности? — спросил я.

— Замечательная, культурная здесь молодежь, — восторженно ответила Клара Рейнгольд-овна. — Это патриоты в подлинном смысле слова. Работать среди них — одно удовольствие!

— А хулиганы?

— Да я их и не видела. Говорят, в первые дни было несколько случаев хулиганства, но партийная и комсомольская организации приняли быстрые и решительные меры. Кого можно было исправить — исправили, у злостных отобрали комсомольские путевки и предложили им убираться из совхоза туда, откуда приехали. А тем организациям, которые безответственно отнеслись к подбору людей, написали письма.

— Ну и как, довольны работой, не думаете уезжать отсюда?

— Еще как довольна!.. Решила совсем остаться здесь. Больница небольшая — из трех комнат, но все необходимое есть. Кроме меня, в больнице четыре медсестры. С жильем, правда, пока еще трудно: на пятерых нам дали одну двухкомнатную квартиру. Мы ее побелили, покрасили полы, потолок, окна, двери. Как говорится, сами привели в порядок свое гнездо.

Несколько слов о гнездах. Как я уже говорил, к приезду повоселов на целину ни в одном из совхозов, где мне довелось побывать, за исключением совхоза имени Джамбула, никаких жилищ не было. Пока не

сошел снег, приехавшие жили в соседних совхозах и колхозах, но с наступлением весны переселились в палаточные городки, возникшие на местах будущих центральных усадеб совхозов.

В этих местах в иные годы даже после таяния снегов месяц, а то и больше держится холодная погода. Нет-нет, да и задуют с севера студеные ветры. Глядишь, снег сошел еще в середине апреля, а зелени в степи нет и до середины мая. Часто в такую пору погибает истощенный за зиму скот. Прошлая весна и была такой затяжной, принесла много непредвиденных трудностей.

— После того как оденешься и приступишь к работе, холода вроде уже и не замечаешь, — вспоминают те, кому довелось первыми приехать на целину. — Самое трудное — ложиться спать и вставать. Вернешься с работы усталый, хочется раздеться, растянуться в постели, а в палатке холодно и постель холодная как лед. Долго не можешь уснуть, дрожишь, пока не согреешься.

— Но ведь в палатках топились печки?

— Печки-то были, но не будешь же их топить круглые сутки. Времянки так же быстро остывают, как и согреваются. Много топить — на время в палатке становится душно, как в бане, мало топить — пользы мало... А утром выберешься из теплой постели, и сразу все тело сковывает нестерпимый холод, дрожишь, как лист на осеннем ветру! И не умоешься как следует, спешишь одеться. Одно — холодно, другое — работа не ждет!

— Разные были трудности, — говорят руководители совхозов, — но никто на работу не опаздывал. Ведь большинство приехавших — молодежь, а молодость всегда остается молодостью! Кое-кто из горожан на первых порах тяжело переносил трудности, но скоро и они привыкли. Глядишь бывало — на дворе ветер, до костей пробирает, а из палаток выбегают девушки в легких платьях, ребята без рубаш, окатываются ледяной водой и хоть бы что. Позавтракают досыта и бегут на работу. И что вы думаете, ни одного случая простуды не было, не болел никто...

Далатки, разумеется, были временным выходом из положения. Для приехавших на постоянную работу, безусловно, нужны были настоящие теплые и удобные жилища.

Для двенадцати вновь созданных в Северо-Казахстанской области совхозов правительство выделило 234 сборных дома. Несколько из них были восьми- и десятиквартирными, но преобладали двух- и одноквартирные. Понятно, что в них и половины приехавших не расселилось. Надо было строить дома на месте, помочь индивидуальным застройщикам. Государство отпустило на жилищное строительство в новых совхозах области 35 миллионов рублей и, кроме того, для желающих самостоятельно построить дома открыло кредит в 925 тысяч рублей.

В большинстве совхозов, где я побывал, строительство жилых домов шло плохо. Дело в том, что и областные организации и руководители совхозов все внимание и силы направили на подъем целины и недостаточно занимались строительством. И действительно, в освоении новых земель молодые коллективы совхозов проявили подлинный героизм. Раньше самый мощный из старых совхозов области всего за год пахал не больше 18 тысяч гектаров, причем в это число входили и пары, и зябь, и вспашка залежей. А каждый новый совхоз за лето (до 15 октября) поднял от 20 до 25 тысяч гектаров целины и старых залежей. Это ли не героизм!

Строительство совхозных домов было возложено на областное строительное-монтажное управление, но оно работает плохо, медленно. В результате совхозы вступали в зиму, не имея возможности обеспечить всех новоселов теплым жильем.

Любопытный разговор произошел с уполномоченным строительного-монтажного управления в совхозе «Украина». Он зашел к директору попросить машину для поездки в управление. Пока Илья Карпович давал распоряжение, мы познакомились. Уполномоченный сразу же поспешил рассказать, что участвовал в строительстве Волго-Донского и Туркменского каналов, а здесь вот «обречен строить шалаши».

— А на целину вы сами попросились?

— Конечно.

— Но если так работать, зачем же было ехать?

— Я думал, что здесь будут строить трех-четырёхэтажные дома с красивым архитектурным оформлением, и, уже приехав, узнал, что надо строить избежки. Посмотрите сами, — сказал он, подойдя к окну и показывая на небольшие новые домики.

— А разве не легче строить такие маленькие домики, чем большие здания? — сказал Григорьянц. — Почему тянете? Ведь вы пока не выполнили и одной десятой плана. До зимы осталось не больше месяца, а вы все бродите, испуганно поглядываете на «шалаш».

— У меня нет никаких условий для работы, даже машины для разездов нет, — стал оправдываться уполномоченный.

— Конечно, машина очень важное условие, — серьёзно ответил Григорьянц, — но разве я когда-нибудь отказывал вам в машине? Плохо работаете, товарищ Попов.

— Короче говоря, — промямлил уполномоченный, видя, что продолжение разговора не сулит ему ничего хорошего, — я сделал все, что мог. Выше головы прыгать не могу. Вообще мне нужно поскорее уезжать из этой дыры...

Из всех совхозов, где я побывал, сравнительно благополучно обстояли дела со строительством лишь в совхозе имени Хрущева, куда строители прибыли из областного центра, а для перевозки строительных материалов был выделен необходимый транспорт.

Домов построено в совхозе немало, но постороннему человеку сразу бросается в глаза то, что расположены они как попало, образуя многочисленные тупики и переулки.

Я спросил, чем вызвана такая планировка поселка. Главный инженер совхоза Петр Семенович Голованов пояснил:

— Некоторые наши улицы будут закрытыми — на них мы сделаем газоны. А на сквозных улицах, по которым движется транспорт, цветы не вырастишь.

Я не согласился с ним:

— Не так много у вас улиц, чтобы устраивать и «сквозные» и «закрытые». Для чего небольшому поселку с тремя-четырьмя продольными и поперечными улицами тупики? Газоны нужны, конечно, и их разбить можно возле домов. К тому же главными врагами ваших газонов будут не автомашины и повозки, а козы и коровы. Вам придется огородить газоны штакетником.

— Это мы понимаем, — согласился Голованов, — но присоединиться к вашему мнению о том, что закрытые улицы и площади нецелесообразны, не можем... В Алма-Ате же есть такие улицы?

— Но ведь то Алма-Ата! То, что допустимо и, может быть, нужно для большого города, маленькому поселку ни к чему.

— Ну теперь уже бесполезно об этом спорить, — ответил Голованов, — построенных домов не переставишь.

— Это другое дело. Но вообще-то ваши закрытые улицы мне что-то не нравятся. Они нарушают планировку и симметричность. Если бы дома были расположены правильными улицами, а не разбросаны вкривь и вкось, как хорошо бы выглядел ваш поселок! А этот хаос портит всю картину.

— План в Москве составлен, — не находя что ответить, проговорил Голованов. — Министерство совхозов прислало несколько вариантов проекта совхозного поселка, и мы выбрали этот.

Я высказал товарищу Голованову свои соображения и об архитектуре поселка. В поселке ставили стандартные сборные дома, но многие дома строили на месте, и если стандартные дома видоизменить нельзя, то те, которые строятся на месте, можно бы оформлять разнообразнее и красивее. А в совхозе строят дома однотипные, унылые. Но Голованов не принял моих замечаний.

— Я не архитектор. Я по специальности мебельщик и в архитектуре немного понимаю.

Что мог я возразить? И в то же время не возражать нельзя. Ведь дома в поселке строятся на долгие годы. Они должны быть удобными и красивыми. Об

этом руководители области и руководители совхозов, кажется, мало думали.

Прогуливаясь по улицам совхозного поселка, я невольно посматривал на озеро Алыпкаш, раскинувшееся тут же рядом. Разливаясь весной на 20—25 километров в окружности, в летние месяцы оно высыхает у берегов, вода остается лишь на глубинных местах, а образующиеся топи зарастают густыми камышами. Долгие годы никто не косил и не жег этих камышей, и они разрослись, высокие и буйные. Я не преувеличу, если скажу, что были камышины высотой и толщиной в хорошую жердь.

Ведь камышовые богатства Казахстана огромны. Если по всему Советскому Союзу заросли камыша занимают около пяти миллионов гектаров, то две трети их приходится на Казахстан. Сколько домов, сколько кошар можно построить из такого камыша! Скоро в республике будут работать более двадцати камышитовых заводов, оснащенных высокопроизводительными станками. И они будут делать не только фашины для строительства скотных дворов, как прежде, но и жилые дома. Такие стандартные четырехкомнатные дома, сделанные из камышита, обойдутся в четыре раза дешевле деревянных стандартных домов и в то же время будут не менее теплыми и прочными. В 1955 году предполагается дать колхозам и совхозам десятки тысяч таких домов, а в последующие два-три года — полностью удовлетворить спрос на них.

Об этих перспективах я рассказал главному инженеру совхоза имени Хрущева Голованову. Мы долго рисовали себе картину будущего поселка с красивыми и теплыми домами.

— Все это, конечно, будет, — сказал Голованов, — а пока я думаю о тех домах, что мы строим сейчас, и, главное, о том, чтобы они были теплыми.

— Правильно. У казахов есть поговорка: «Пусть лучше дом будет теплее, чем красивее!» Какая польза от красивого, но холодного дома или от модной, но не согревающей одежды? Есть еще одна поговорка о зиме: «Зимой шкура овцы дороже девяноста пластов шелковой ткани».

В некоторых совхозах строят дома из самана. Не оштукатуренные и не побеленные, они выглядят не очень красиво, но в том, что они выдержат любые морозы, можно не сомневаться. Жаль только, что совхозы поздно приступили к постройке таких домов и мало успели сделать.

Не обошлось и без курьезов. В совхозе «Украина» еще в начале лета создали бригаду по изготовлению самана. В бригаду выделили девушек, бывших работниц ленинградских фабрик и заводов.

— Мы в Ленинграде и не слышали о самане, — рассказывала мне бригадир этой группы Валя Кузнецова, — а директор приказал нам его делать, да еще и дома из него строить. Понятно, мы сначала отказывались, но потом пришлось согласиться. Ведь мы сами голосовали на комсомольском собрании за строжайшую дисциплину, требовали, чтобы нарушителей сурово наказывали, отбирали у них комсомольские путевки и отправляли обратно. Но согласиться — одно, а научиться делать саман — другое. Дали нам прораба. Приступили к работе. Выкопали яму глубиной в двадцать сантиметров и двадцать метров в диаметре. Потом надо было навозить в эту яму желтой глины, полить ее водой, посыпать перетертой соломой и хорошо размешать, гоняя по кругу лошадей. Но вот тут-то и выяснилось, что никто из наших девушек не только не ездил на лошадях, но и близко к ним не подходил.

К несчастью, и прораб наш никогда не имел дела с лошадьми. С нашей помощью он садился на лошадь, но она не двигалась с места.

Не знаю, сколько бы еще мучились, если бы не помог уполномоченный ЦК КПСС Кулжан Утегалиев. Он издали заметил нашу возню, подошел к нам, взял у бригадира повод и, вскочив на лошадь, закружил по степи. «Вот это наездник, ему бы в цирке выступать!» — восхищались мы. Потом Утегалиев на лошади въехал в яму, слез в центре, взял повод за самый конец, и лошадь пошла по кругу. Когда глина стала смешиваться с соломой, Утегалиев подозвал прораба, передал ему поводья и сказал:

— В центре круга надо было оставить бугорок

нетронутой земли, чтобы погонщику было на чем стоять, потом — повод надо сделать подлиннее, на всю длину радиуса круга. Вот, действуйте!..

Прораб взял поводья, взмахнул кнутом, и лошадь пошла. После ее управляла одна из наших девушек, и лошадь ее слушалась. Утегалиев показал нам, как можно месить глину и несколькими лошадьми. Для этого их привязывают одну к другой. Наши девушки хорошо и с этим справились.

— Глину мы приготовили правильно, — рассказывала дальше Валя, — хорошо размяли, соломы добавили сколько полагается. Потом начали делать кирпичи. Заполнили формы глиной, обрадовались, что получилось хорошо, но кирпичи не захотели вываливаться из форм. Вынимать их руками нельзя — ломаются. Что делать?

— Неужели ваш прораб и этого не знал?

— Оказывается, не знал. Хоть он по специальности и был каменщиком, но сам кирпичей не делал. Этому нас тоже научил Утегалиев. Он объяснил нам, что перед тем как заполнить форму глиной, ее надо смочить водой, чтобы кирпичи легко вынимались. И все-таки не легко давалась нам эта наука. Нас было десять девушек, делали мы сначала по семьдесят-восемьдесят кирпичей в день, да и те выходили с браком. Уже потом стали делать по семьсот-восемьсот штук. А из полутора тысяч наших кирпичей получается четырехкомнатный дом!

Бригада Кузнецовой не только делала кирпичи, но и строила дома. Это силами девушек сооружена большая столовая, три общежития, несколько жилых домов. В других совхозах тоже были такие бригады.

Особо хочется рассказать о бригаде строителей — стариков из совхоза имени Джамбула. Одного из активных членов этой бригады, Сералы Андамасова, и его жену Асию я знал давно.

...Лето 1921 года. Возле балки Кара томар, где теперь разместился совхоз имени Джамбула, растянувшись на два-три километра, стояли аулы. Белело несколько байских кибиток, остальные были старые, дырявые кибитки бедняков.

На краю Кара томара, в стороне от аулов, на высоком шесте полыхал красный флаг. Туда на лошадях и пешком стекались люди. Это недавно организованный волостной комитет партии проводил первое в степи собрание батраков.

На собравшихся были дырявые халаты, вид у всех изнуренный. Да и неудивительно: в то время они еще батрачили у богатеев-баев.

Собрание открылось. Секретарь волостного комитета партии рассказал о том, что советская власть дает беднякам. После него выступили старики и высказали свои обиды на баев. В переднем ряду сидели полная рябая молодая женщина и худой джигит с реденькими рыжими усиками. Женщина подталкивала соседа в бок, упрасывая его выступить. Джигит хмурился и молчал. Тогда женщина сама попросила слова.

— Слово предоставляется Асии Андамасовой! — сказал председатель собрания.

Асия начала с упреков джигиту.

— Я не понимаю, почему он молчит, когда все говорят о своих обидах на баев, — сказала она, — разве мало он терпел от них? У кого только он не батрачил, кто только его не обижал? Он гнул спину и на Кошке, и на Майлы, и на других баев... Кто не знает об этом? Каких обид не причинили ему бай!.. А теперь, когда пришла советская власть и дала беднякам все права, он боится рот раскрыть. Говори, — сказала женщина, обращаясь к джигиту, — требуй и ты от баев за свои труды!..

Я узнал, что мужчину звали Сералы и он был мужем Асии. Но как ни настаивала жена, он так и не выступил. После собрания я подошел к Сералы.

— А зачем говорить? — сказал он. — Что дадут мне бай? Чем просить у баев, лучше буду работать...

На следующий год я снова был в тех аулах. Асия уже окончила ликбез и работала председателем аулсовета. Сералы плотничал.

Колхоз «Жаркын», в котором до 1950 года работал Сералы, из-за плохого руководства был одним из от-

стающих. В 1950 году три соседних колхоза «Жаркын», «Суаткуль» и «Есперлы» объединились, образовав новый колхоз имени Джамбула. Но и укрупненный колхоз не стал лучше. В прошлом году посевы его заняли только 2 700 гектаров земли, на фермах было 700 коров, 1 400 овец и коз, 427 лошадей. Но что значило такое количество на сорок с лишним тысяч гектаров закрепленной за колхозом земли! Задолженность колхоза государству все увеличивалась, оплата трудодня была низкая, неделимого фонда почти не было. Вот почему, когда на соседних землях стали организовываться новые совхозы, общее собрание колхозников единогласно решило просить правительство о реорганизации их колхоза в совхоз. Так и был создан новый совхоз имени Джамбула.

14 марта в совхоз прибыло 270 новоселов. Колхозники встретили их как самых дорогих гостей. Сразу же всех приехавших распределили по квартирам. На угощение зарезали двух откормленных быков, выделили шесть центнеров белой муки и другие продукты. С первого дня между старожилками и новоселами завязалась крепкая дружба, основанная на тесной взаимопомощи.

— За короткое время, — рассказывает парторг совхоза Сейтак Жахин, — совхоз добился больших успехов. Вспахано двадцать тысяч гектаров целины. Во-время был проведен сев, во-время убран урожай. Развернулось строительство домов для новоселов. Бригаду строителей возглавил дед Сералы. Ему сейчас больше шестидесяти лет. В свою бригаду он привлек таких же стариков — Шокитая Беркимбаева, Сейтжана Мустафина, Кабдена Мыржикова и Ильяса Алимбаева.

Пять стариков работали все лето и построили большой склад для хранения совхозного зерна, склад для рабочего кооператива, два двухквартирных дома и общежитие на 50 человек.

— Старики делали все сами, без посторонней помощи. Мы только доставляли необходимый материал, — говорит директор совхоза Николай Яковлевич Татиевский. — Работали они в подлинном смысле самоотверженно.

— И заработали немало, — добавляет Сейтак, — каждый по полторы-две тысячи рублей в месяц.

...Так строились в совхозах первые жилища, «первые гнезда». Но в подготовке новых хозяйств к суровой сибирской зиме возникает много и других вопросов. Среди них один из немаловажных — вопрос топлива. Для совхоза имени Джамбула это не проблема, так как вокруг него есть леса. Есть они и на территории совхоза «Украина». А вот на землях совхозов имени Докучаева, Тимирязева и Хрущева и кустарников нет. Когда-то в этих местах были зимовки аулов Кульмес и Алдай. Зимой они отапливались камышом, заготавливая его на соседнем озере Алыпкаш. Новоселы вначале недоверчиво отнеслись к камышу как к топливу. Да и кустарники они заготавливали не особенно охотно. Между тем запасов топлива в первую зиму не хватало. К примеру, совхоз имени Докучаева должен был отпустить своим работникам на зиму 260 тонн угля и 300 кубометров дров, но к октябрю ни тонны топлива завезено не было.

И еще о двух упущениях в подготовке к зиме.

Первое — овощи. В новых совхозах, где я побывал, кроме «Украины», нигде овощи не выращивали. В совхозе «Украина» обеспечили себя картофелем, морковью, луком, не было только капусты. В других же все надежды возлагали на централизованный завод.

Второе — ни один из совхозов не позаботился о лошадях и саях. Достаточно, дескать, автомашин и тракторов. Хорошо, если зима мягкая. Ну, а если она по-сибирски морозная, метельная, то надежда на тракторы плоха, а об автомашинах и думать нечего. И в самом деле — легкое ли дело отправляться в дальний путь на тракторе в свирепый мороз или в буран, который иногда беснуется 10—15 дней непрерывно? В таких условиях лучше всего упитанные, сильные лошади. Они и по снежной целине путь проложат и идут быстрее трактора.

В совхозе имени Докучаева я задержался дольше, чем в других. Видно, не так легко расстаться с родными местами. И случайно мне довелось присутствовать на первой свадьбе у новоселов. А получилось это так.

Тракторист Владимир Александрович Коновалов работал на дисковании. Я сидел на тракторе рядом с ним. Вокруг нас необъятное море вспаханной целины. Был полдень. Сухой прохладный осенний воздух Жаманшубара полон живительной свежести. Дышалось легко, полной грудью. На повороте мы заметили, что к нам по черной пахоте идет человек.

— Коля Сечников! — определил Коновалов.

— Кто он?

— Тракторист.

Поравнявшись с нами, Сечников взобрался на трактор.

— Ну, зачем пожаловал? — спросил Коновалов.

— По личному вопросу.

— По какому?

— Как ты думаешь, можно мне жениться или нет? — сказал Сечников улыбаясь.

— Что за вопрос, — тоже весело ответил Коновалов, — ты ведь совершеннолетний... Только смотри на ком.

— На Евдокии Зуевой.

— На Дусе?! Поздравляю, поздравляю!.. — радостно воскликнул Коновалов и крепко пожал руку Сечникову.

— Эта Дуся — Уланова нашего совхоза, — сказал мне Коновалов. — Она танцует, как настоящая балерина... И вообще чудесная девушка.

— Вот и пришел к тебе посоветоваться как к секретарю комитета комсомола: как насчет свадьбы?

Свадьбу договорились устроить по-новому, по-комсомольски. Сначала — вечер для всей колхозной молодежи, а потом — угощение для друзей.

Но где найти помещение? Клуб в совхозе еще не построен.

Коновалов предложил устроить вечер в большом самомном здании будущей пекарни. Оно уже почти достроено, если и не успеют застеклить окна — не беда, а электропроводку можно быстро сделать. А угощение решили устроить в большой палатке. Столы и стулья — собрать в поселке.

Вскоре состоялась свадьба.

Тихий теплый вечер. Высоко на западном краю неба повис похожий на серп молодой месяц. Высыпавшие на безоблачном небе звезды весело мигают, будто поздравляют молодых, на всю жизнь соединяющих свою судьбу... Легко и свободно дыхание прохладной ночи. Где-то высоко слышится гогот отлетающих на юг гусей. Их песня сливается с торжественной поздравительной песней в честь молодоженов.

В домах поселка весело горит электричество, но подъезды и улицы еще не освещены. Только крыльцо одного большого здания ярко иллюминировано. Это пекарня, где сегодня комсомольская организация совхоза устраивает вечер в честь молодоженов. Над входом в пекарню — плакат. На белом картоне, ярко освещенном электрическими лампочками, красной краской выведено: «Добро пожаловать, дорогие гости!» А над этой надписью — другая: «Нашим молодоженам желаем вечного счастья!» Со всех концов поселка сюда идет молодежь. Звуки песни, веселые переборы гармоник уносятся в степь...

Мы тоже пошли на вечер.

В петлицах у гостей — колосья пшеницы. Это очень красиво и символично. Жених и невеста тоже в венках из колосьев.

Пекарня внутри ярко освещена. От еще не крашеного пола пахнет сосновой стружкой. На месте будущей печи расположился оркестр. Им руководит старый музыкант Горосов. В молодости он окончил Ленинградскую консерваторию и всю свою жизнь посвятил работе в самодеятельных коллективах. А когда молодежь стала собираться на целину, не захотел отстать. В Ленинградском горкоме комсомола получил путевку и приехал в совхоз имени Докучаева. Здесь организовал музыкальный кружок и руководит им.

Оркестр встретил собравшуюся на вечер молодежь маршем Глинки.

Официальную часть вечера открыл Коновалов. От имени комсомольского комитета он поздравил молодых, пожелал им счастья.

— А для счастья нам прежде всего нужен мир, — сказал он и предложил спеть «Гимн демократической

молодежи». Оркестр заиграл знакомую мелодию, и все собравшиеся дружно ее подхватили.

На освоенных молодежью целинных землях Советской Родины во всю мощь загредел голос мира! Так началась счастливая жизнь двух молодых супругов.

ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ

Совхоз имени Богдана Хмельницкого начал организовываться одновременно с другими, а вот строительство в нем идет куда лучше, и недаром его ставят в пример. История совхоза, как в капле воды, отразилась в жизни одной семьи новоселов. Поэтому я и расскажу о ней. Это семья тракториста Владимира Беликова.

Осматривая новостройки совхоза, я зашел в детский сад. Заведовала им пожилая, но очень энергичная женщина — Полина Кузьминична Бакаева, мать Владимира. С ней была и трехлетняя внучка Танечка.

Так завязалось мое знакомство с этой хорошей трудовой семьей.

Танечка хорошо запомнила тот день, когда уезжали папа и мама. Она вместе с ними и с бабушкой Полей приехала на вокзал. Папа целовал ее, а когда подошел поезд, передал бабушке на руки и побежал в вагон. Потом он стоял в тамбуре и махал рукой, и мама тоже стояла возле него и вытирала платочком глаза. Когда поезд ушел, бабушка спросила у Тани:

— Куда уехали папа и мама?

— На целину! — не задумываясь, ответила Таня.

Полина Кузьминична и сама поехала бы вместе с сыном и невесткой, да, во-первых, она работала заведующей детским садом, тем самым, в который ходила Танечка; во-вторых, отъезжающие еще не знали, в какие места они едут, — это должно было выясниться позже, в Москве. Путь от Красного Сулина Каменской области до Казахстана — неблизкий, стояла суровая зима, и бабушка не хотела рисковать — ехать с трехлетней внучкой в неведомую даль.

Но вскоре Полина Кузьминична затосковала. Она

рано овдовела, сама воспитала сына. Сын вырос, стал работать на заводе, женился. Теперь и внучка растет. И вот уехали куда-то далеко, на целину...

Наконец пришло первое письмо. Торопливо вскрыв конверт, Полина Кузьминична прочла:

«Здравствуйте, мама и Танечка!

Из Москвы нас направили в Казахстан, в город Кустанай. Здесь еще в полном разгаре зима. В день нашего приезда выжил буран. Кустанайцы встретили нас на вокзале с музыкой. Был митинг. Выступали представители обкома и один из наших товарищей.

Ночевали в приготовленном для нас общежитии, а утром отправились к месту назначения — в новый совхоз имени Богдана Хмельницкого. Ехали на широких санях, прицепленных к трактору.

Хорошо, что мы не взяли с собой Танюшу. Здесь еще лежат глубокие снега, не прекращаются бураны. Хоть сани, на которых ехали дети, укрыты фанерными щитами, это мало защищало от холода.

Места здесь очень интересные. Куда ни взгляни — ни гор, ни холмов, ни даже сколько-нибудь приметных курганов. Кругом бескрайная равнинная степь, даже глаза устают. Возле Кустаная протекает река Тобол. Говорили, есть еще река — Убаган. Она оказалась маленькой степной речушкой, и мы даже не заметили, когда ее переехали. Других рек во всей обширной степи мы не видели. Довольно часто встречаются небольшие березовые рощицы. Местные жители называют их «колками».

Сколько мы едем — все степь и степь, если все это целина, то удивительно, как ее много!

Ночевали в дороге. На второй день добрались до поселка Анновка Урицкого района, где и остановились. На месте, где нам придется жить, нет еще, как говорится, ни кола ни двора... Вот и все. Самое интересное впереди: будем не только подымать целинную землю, но и своими собственными руками строить новый совхоз.

Анновка — поселок небольшой. Встретили нас радушно, жилье нашлось всем. На окраине поселка — большое, чистое, скованное льдом озеро, По-казахски

оно называется Жар-коль, а по-русски — Береговое. Вот на открытом восточном берегу этого озера и расположится наш совхоз. Место совершенно голое, и интересно смотреть туда и представлять себе, что пройдет совсем немного времени — и вырастут там дома, появятся улицы нового совхозного поселка.

Получилось так, что когда мы, 250 работников совхоза имени Богдана Хмельницкого, приехали в Анновку, директор совхоза еще не был назначен. Приехал из города бухгалтер и выдал нам причитающиеся деньги. Вскоре прибыл и директор — Евгений Иванович Оводов. Сам он из Курганской области.

Понемногу приступаем к работе.

Писать на этом кончаем. Поцелуй за нас Танечку. Очень тоскуем по ней. Пока до свидания, дорогая мамочка!»

Второе письмо было короче.

«Дорогая мамочка!

У нас снег уже растаял, под ногами хлюпает вода. Грунт липкий, грязь непролазная. Ближайшая к Анновке железнодорожная станция — Кустаная, а до нее 150 километров. Все машины и материалы для нашего совхоза поступают оттуда.

Шоссейной дороги до Кустаная нет. Проселочные грунтовые расплозились и совсем вышли из строя. Да оно и неудивительно: один наш совхоз получил более 50 тракторов и десятки автомашин. Пришли они из Кустаная своим ходом, тяжело груженные. Соседние совхозы тоже получили не меньше и машин и грузов. Как же им не разбить раскисшую грунтовую дорогу!..

Но как ни тяжела дорога между Анновкой и Кустанаем, хоть и застревают там машины, движение не прекращается. Выручают спасательные тракторы, дежурящие в нескольких пунктах вдоль дороги. Наш совхоз сумел перевезти грузы, доставить механизмы. На восточном берегу Жар-коля, где будет расположена центральная усадьба, уже разбиты палатки, и люди из Анновки перебираются туда. Мы с Тамарой тоже переселились в палатку. Дети пока в Анновке.

Целуй Танечку.

С приветом — Тамара, Володя».

Третье письмо больше всего взволновало Полину Кузьминичну и надолго лишило ее покоя. Дети писали:

«Приступили к поднятию целины.

А какая здесь степь! Ровная, раздольная — ни конца ей, ни края! По утверждению знающих людей, тянется она на восток от Анновки на полтораста километров в длину и почти на сто — в ширину. И только небольшие озера да редкие колки разнообразят ее.

А почва! Верхний, черноземный слой более метра толщиной! Степные травы — высокий седоватый ковыль, полынь, типчак — так густы, как шерсть на овце... Как не расти хлебам на таких благодатных землях! Можно только удивляться, что эти плодородные земли веками лежали нетронутыми.

Нашему совхозу отведено двадцать тысяч гектаров. Из них в этом году мы должны поднять четырнадцать тысяч. И вот мы начали наступление. Более сорока тракторов с многокорпусными плугами на прицепе вышли в степь.

Уже несколько дней над степью стоит несмолкаемый гул. Не видно края вспаханному полю...

С наступлением настоящей весны и степь стала неузнаваемой. Чистый воздух полон неведомых запахов. Тихий ветерок гонит куда-то вдаль легкое марево, и далекие колки, кажется, плывут на нем, оторвавшись от земли... Земля в этих краях зеленеет быстро и буйно. Даже жаль резать плугом мягкую и нежную, как шелк, молодую траву. Но Родине нужно зерно!

На центральной усадьбе совхоза уже началось строительство. Получено много стандартных сборных домов. Установилась теплая и ясная погода. Теперь и дети перебрались в палатки и чувствуют себя превосходно. Им здесь приволье. Ты, мамочка, догадываешься, зачем я об этом пишу. Ты же опытный дошкольный работник, не первый год отлично справляешься со своим детским садом. Сейчас в совхозе более пятисот рабочих и служащих. Многие приехали с детьми. Работы столько, что каждые руки на учете. Как бы хорошо было организовать здесь детский сад!

Если ты захочешь приехать, мамочка, никто тебя

не посмеет задержать, наоборот, как или оборит твоё решение. Поговори в городе, мы уверены, что тебе отпустят, а горком комсомола выдаст тебе путевку.

С нетерпением ждем тебя здесь, в совхозе имени Богдана Хмельницкого, дорогая наша мама».

Когда Полина Кузьминична пошла с этим письмом в городской отдел народного образования, там ее спросили:

— А как вы сами думаете?

— Поеду! Я там нужнее, — решительно заявила она.

Получив путевку от Красносулинского горкома комсомола, Полина Кузьминична быстро собралась и вместе с Танюшей отправилась в путь.

Приехав в совхоз, Полина Кузьминична не поверила своим глазам. В местах, о которых так недавно сын писал как о пустынных, полным ходом шло строительство. Вставляли один за другим жилые дома, здания хозяйственных построек, наметились улицы, — в степи вырастал новый городок.

Я попал в этот городок первого октября. Нелегко было до него добраться. Здесь неподалеку от нашего Жаманшубара, на стыке трех областей — Кустанайской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской, разместилось около десяти новых совхозов с земельной площадью в 20—25 тысяч гектаров каждый.

Здесь я провел свои детские годы. Мне были знакомы все окрестные земли и озера, дороги и тропки. Но как все изменилось! Старые, еле заметные тропинки прежних кочевых караванов теперь перепаханы и исчезли без следа. Пролегли новые широкие полосы дорог, оставленные между распаханными квадратами. Они устремились прямо, как стрелы, и ведут куда-то далеко-далеко...

Прежде человек из Жаманшубара в Анновку ехал напрямком, и пути там было всего 35 верст. Теперь же надо было кружить по землям совхозов имени Докучаева и имени Хрущева чуть ли не сотню километров. Таким путем добирались мы в совхоз имени Богдана Хмельницкого.

Восточный берег Жар-коля, где расположился сов-

хоз, с детства памятен мне. С этими местами связан один случай в моей жизни, о котором мне хотелось бы рассказать.

...Лето 1913 года. Наш аул Жаманшубар стоял тогда в восьми верстах от своего зимовья, на берегу озера Дос.

Однажды прискакал гонец, полицейский урядник, с важным сообщением: вскоре через наши места проследует из Омска в Кустанай сам генерал-губернатор Шмидт. Его сопровождает большая свита. Все аулы должны сняться и откочевать подальше от дороги. Казахам строго-настрого запрещалось появляться у дороги, выпускать скот. На месте могли оставаться только одна-две кибитки с приготовленными для смены лошадьми.

Все распоряжения урядника были выполнены в точности. Надеюсь, что губернатор не откажется от хлеба-соли, там, где предполагалась смена лошадей, были поставлены белоснежные, богато убранные байские кибитки. Приготовили свежее мясо жирных ягнят и кумыс. Для торжественной встречи собрались со всей округи волостные управители, аульные старшины, баи. Чтобы простой народ не мозолил глаза высокому начальству, вокруг были расставлены пикеты. На месте могли оставаться лишь погонщики лошадей. Среди них оказался и я, тогда тринадцатилетний мальчик.

Вскоре появилась целая вереница богатых повозок, запряженных тройками. Губернатор ехал в сопровождении большой свиты. На чиновниках — сверкающие золотом мундиры, золотые погоны, аксельбанты, ордена, шпаги. Чиновники с презрением смотрели на ожидавших их с угощением казахов. К пище никто и не притронулся.

Сменив лошадей, процессия двинулась на Анновку. На козлах одной из повозок поехал и я.

Вечерело. Небо заволочло тучами, со стороны Анновки подул порывистый ветер. Огромная черная туча накрыла нас и разразилась грозovým ливнем. Подняли верха повозок. Дождь лил как из ведра, и дорога через несколько минут превратилась в сплошное месиво. Сумерки быстро сгущались. Вскоре ни зги

не было видно. Только молнии на миг освещали дорогу... Лошади сильно устали и еле тянули повозки. Но останавливаться нельзя, нетерпеливые чиновники ругались и били по затылку. Вдруг впереди послышался истошный крик:

— Стойте! Не напирайте!..

Задние повозки, налезая на передние, остановились. Кучера поспешили на крик. Оказалось, что головная повозка, в которой ехал генерал-губернатор, чуть не угодила в овраг. Кучер сумел остановить лошадей на самом краю крутого, высокого обрыва. Сделаи кони еще один шаг, и повозка полетела бы вниз, и вряд ли остался бы жив его превосходительство.

Чудом спасшийся от смерти губернатор стал на радостях креститься, а «нерадивого» кучера велел наказать...

Потом мы узнали, что столь быстрая и торжественная поездка губернатора из Омска в Кустанай была вызвана отнюдь не служебными делами: шурина генерала получил назначение в Кустанай на должность уездного начальника, надо было его поздравить...

И вот теперь у памятного мне крутого берега строилась центральная усадьба совхоза имени Богдана Хмельницкого.

Было чему удивляться Полине Кузьминичне, увидев поселок совхоза. Говоря честно, он был лучшим из виденных мной поселков шести других совхозов: и строился быстрее и спланирован разумнее. Жилые дома, если немного потесниться, могли вместить на зиму всех работников совхоза.

Директор совхоза Евгений Иванович Оводов видел свои успехи в строительстве и, как мне показалось, немножко гордился этим. Он сразу же предложил мне осмотреть поселок, против чего я, конечно, не возражал. Пройдя немного по широкой, поросшей густой травой улице, на которой еще не определились ни проезжая часть, ни тротуары, мы остановились перед большим одноэтажным зданием.

— Вот клуб соорудили, — сказал Евгений Иванович. — Не ахти какой, но на первое время обойдемся. Здание было почти готово. Строителей не было

видно, только у открытого широкого окна возился маляр да на крыше усердно стучали два кровельщика. Через боковую дверь мы зашли прямо в зрительный зал. Панели сияли свежей краской. Рядами стояли новенькие, поблескивавшие лаком стулья. Сцена задернута занавесом из плотной темной материи.

— Уже и декорации заготовили и всякую бутафорию приобрели, — похвалился директор.

— Через недельку кинофильмы будем здесь показывать, — вмешался в наш разговор парень в вылинявшей майке и широких сатиновых шароварах, — а то летом все — и концерты, и спектакли устраивать, и кино крутить — приходилось на открытом воздухе. Дождь польет — в большую палатку перебирались, а там духота.

— Киномеханик Актемиров, — представил мне молодого человека Оводов и снова заговорил о клубе: — Думаю, что это место не будет пустовать. Уже работают физкультурный, хоровой и драматический кружки. Закуплен комплект инструментов для духового оркестра, театральные реквизиты. Драмкружок уже начал ставить несложные пьески.

— Вот только пьес маловато, — вставил свое слово Актемиров, — особенно для сельских клубов.

Мы долго ходили по поселку, в некоторые дома заходили, возле других и не останавливались, но почти о каждом у Евгения Ивановича находилось что рассказать. Видно, близко к сердцу принимал он все радости и горести своих рабочих.

— Как и в других новых совхозах, организуемых на целинных землях, в нашем совхозе основное ядро механизаторов, да и вообще рабочих составили комсомольцы. Они стали инициаторами социалистического соревнования, борьбы за высокую производительность труда, за поддержание строгой трудовой дисциплины. Их отличают моральная чистота и нетерпимость к пошлости. Вот почему нарушения трудовой дисциплины здесь встречались очень редко, а аморальные или хулиганские поступки — еще реже.

Был один случай с шофером Горбуновым. Любитель выпить, он однажды в нетрезвом виде чуть не

разбил машину с пассажирами. Комсомольская организация совхоза исключила его из своих рядов, добилась того, что его сняли с работы и отправили обратно домой.

Через некоторое время Горбунов прислал письмо. Вот что он писал:

«Дорогие друзья! Приехал я в свой родной Ужгород. Но этот приезд не радует меня. Здесь я глубоко понял, какую большую ошибку допустил. Не только знакомые, друзья, но и родные — все отвернулись от меня. Хотел возвратиться к вам, но комитет комсомола вторично мне путевку не выдал. Убедительно прошу вас, напишите сюда письмо и походатайствуйте, чтобы мне выдали новую путевку. Со всей искренностью даю вам слово, что если удастся мне снова попасть в ваш совхоз, буду работать честно. А пить я бросил окончательно...»

Комитет комсомола совхоза, обсудив это письмо, решил вызвать Горбунова.

А вот случай совсем иного рода, приключившийся с Анатолием Дьяковым. Парень вдруг ни с того ни с сего затосковал, помрачнел, к работе стал относиться спустя рукава. Скоро члены комитета комсомола выяснили, в чем дело. Оказалось, в Каменской области у него осталась любимая девушка. Когда расставались, она обещала приехать попозже. Но все установленные сроки прошли, а девушка не приезжает. На письма сначала отвечала обнадеживающе, а потом вдруг отрезала: «Не приеду!»

С этого-то момента и затосковал Анатолий.

Один из членов комитета комсомола написал письмо девушке, и выяснилось, что в разрыве отчасти виноват и сам Анатолий. Ведь сердце девушки как сталь. Не сумеешь расплавить его — и не согнешь, а применишь силу — сломаешь...

Пытаясь припугнуть девушку, Анатолий в одном из писем написал: «Если не приедешь — между нами все кончено». Для любящей девушки такие слова тяжелы. Она обиделась и ответила: «Не очень нуждаюсь!»

Анатолий понял свою ошибку и попросил прощения.

ния в письме. Но оскорбленная девушка не пошла на примирение. «Если ты настоящий мужчина — держи свое слово!» — ответила она. На последующие письма Анатолий получал один и тот же ответ: «Нет!»

Что оставалось делать? Решил поехать лично объясниться. Но директор совхоза не отпустил: горячая пора, каждый человек на счету.

Но вот неожиданно девушка приехала. Анатолию и в голову не пришло, что помогли ему товарищи из комитета комсомола. Парень сразу ожил, принялся за дела. Девушка же на его упреки только улыбалась:

— Не надо было обижать. За девушками с умом надо ухаживать.

Так закончилась эта история. Она свидетельствует о том, что в совхозе имени Богдана Хмельницкого уже есть дружный, сплоченный коллектив, в котором все готовы помочь друг другу.

Одним из первых культурных очагов в совхозе стала семилетняя школа. И самое замечательное то, что здание школы построено руками самих преподавателей и учащихся.

Мы зашли в школу. В учительской было пусто, шел урок. Но вот прозвенел звонок, и вскоре в комнату вошли две женщины.

— Знакомьтесь, — торжественно сказал Евгений Иванович, — строитель школы и ее первый директор Полина Георгиевна Турова и ее боевой помощник во всех делах Валентина Георгиевна Оводова...

...Полина Георгиевна Турова жила в городке Севлюше Закарпатской области. Когда в газетах стали появляться сообщения о подъеме целинных земель, Полине Георгиевне тоже захотелось быть в рядах патриотов, работающих на переднем крае. Но как она, учительница, может применить там свои силы?

Прочитав о первых школах в целинных совхозах, Полина Георгиевна пошла в горком комсомола и, получив путевку, приехала в Москву.

Ее направили в Пресногорьковский район Кустанайской области.

Приехав в Пресногорьковку, Полина Георгиевна узнала, что в этом районе новых совхозов нет. Что

делать? В районе ей предложили остаться преподавателем в средней школе районного центра.

Остаться работать в Пресногорьковке соблазнительно: небольшая красивая станица расположена меж двух озер, окружена лесами. В станице хорошая двухэтажная школа, клуб, магазин. Но это не прельщало Турову. Ей хотелось работать именно в новом совхозе, организованном на целине. Такой совхоз оказался по соседству.

В одной из районных организаций Пресногорьковки Полину Георгиевну случайно встретил директор совхоза имени Богдана Хмельницкого Евгений Иванович Оводов.

— Приезжайте к нам, — предложил он ей, познакомившись. — Школы, правда, у нас пока нет, строить надо... Вот и возглавите строительство.

— Согласна, — ответила Турова. — Я ничего не понимаю в строительстве, но, полагаю, вы и мастерами и материалами обеспечите?

— Об этом договоримся на месте. А пока садитесь в машину — и поехали.

До приезда в Казахстан Полина Георгиевна имела очень смутное представление о наших краях, считала, что здесь — безжизненная пустыня. Проехав от Кургана до Пресногорьковки на автомашине, она увидела такую красоту, что была приятно удивлена: большие светлые озера, леса, цветущая, полная пряных запахов степь.

А какие высокие, густые травы! Был конец мая — пора созревания и цветения их. Как этот бесконечный зеленый луг, густо усыпанный цветами, был похож на сказочный ковер!.. Так соткать его, так ярко и причудливо окрасить могла лишь сама великая мастерица — Природа.

От Пресногорьковки до совхоза имени Богдана Хмельницкого — сотня километров. По пути встречается лишь одна ферма совхоза имени Чапаева. Совхоз животноводческий. Его посевы — 5—10 тысяч гектаров — как капля в море тонут в этой степи, еще более подчеркивая ее безмятежную ширь. Оглядывая степь, раскинувшуюся от одного края горизонта до другого,

широкую и красивую, Полина Георгиевна спросила у Оводова:

— И все это целина?

— Да, все целина.

— И все это нужно поднять?

— Все!

— Как же можно осилить такие просторы?

— Было бы что осиливать, Полина Георгиевна, а наш народ уж за что возьмется, так осилит!

В совхозе Полина Георгиевна увидела широко развернувшееся строительство — для одних домов только заложены фундаменты, у других уже выведены стены.

— Положение таково, — сказал директор совхоза, когда Турова повела разговор о школе, — пока мы к закладке школы еще не приступали. Некому строить. Выходит, что придется вам самой взяться за это дело.

— Как самой? Ведь я предупредила вас, что ничего не смыслю в строительстве.

— Да, вы говорили. Но у нас нет строителей и негде их взять. Те несколько человек, что есть, заняты на других постройках. Нам очень нужны жилые дома, до зимы всех квартирами надо обеспечить.

«Не шутит ли он?» — подумала Турова. Нет, он не шутит. Но как же она, учительница, построит школу?

Оводов подвел Турову к окну и показал на один из домов:

— Вот наш будущий клуб. Он нужен всем, особенно молодежи. А строить его было некому. И как, вы думаете, поступила наша молодежь? Собрались, посоветовались и решили строить клуб в свободное от работы время. И, как видите, сдержали слово. Осталось закончить крышу да кое-какие отделочные работы. А ведь те, кто строил, топора в руках держать не умели. В процессе работы научились. И вы научитесь, не сомневайтесь.

— Да, но где же взять людей?

— Пока есть вы — директор. На-днях будет у вас помощник — заведующий учебной частью. Это моя жена — Валентина Георгиевна Оводова. Она коммунистка, работать умеет. Выходит, есть два руководителя. Это уже немало!

— А где же Валентина Георгиевна?

— В Кургане, но она на днях приедет. Ну, кажется, договорились? Дано вам одного прораба. Остальных людей будете подыскивать вместе с завучем. Распоряжусь передать вам детали шестикомнатного стандартного дома. Школу будете строить пока временную, года через два такую возведем, что и в районе позавидуют.

— Ну и как вы, справились?

— Оводов оказался прав, — ответила Турова. — Школу мы действительно построили. Строителями были мы — шестеро учителей и ученики. И во-время справились — первого сентября в школе начались занятия. Работают семь классов, в них пока семьдесят учеников. Занятия проходят нормально. Учебниками и учебными пособиями школа обеспечена.

Мы осмотрели школу. Она оказалась небольшой, но очень уютной. Особенно украсили ее цветы. Это забота Валентины Георгиевны — она большая любительница цветов.

— Мой отец агроном, муж — агроном, сама я тоже агроном, сын Сережа учится в сельскохозяйственном институте, — говорит Оводова. — Вот приехала сюда — нигде ни одного деревца, в домах нет цветов. Пришлось съездить в Курган. Все цветы, что вы видели в школе, оттуда привезла. Скоро сделаем аквариум. Сад в центре поселка вырастим. Да, кстати, этот вопрос сейчас обсуждается на заседании педагогического совета школы.

Мы зашли на заседание. О саде там говорили как о деле решенном, и в успехе его никто не сомневался. Речь шла о практических делах — о саженцах, теплицах, планировке.

Я побывал в школе еще раз, на сборе пионерской дружины. Сбор проходил в большой комнате, уставленной цветами. Руководила им старшая пионервожатая Галина Балашова. Было решено поручить вожатым отрядов Нине Губановой, Вале Кудиной и Свете Рыковой в предстоящее воскресенье вывести всех пионеров на очистку и подготовку площади будущего сада.

— Мы должны вырастить сад в поселке, — говорила на собрании Инна Губанова. — Отдыхать и поселиться в нем будем мы сами. Наши родители сейчас очень заняты. А сад должен быть. И он будет, мы его посадим!..

Перед отъездом я решил побывать в совхозном детском саду, навестить Полину Кузьминичну Бакаеву. Мы встретились у входа. Полина Кузьминична сама выгружала из машины овощи и относила их в кладовую. Коротко рассказав о своем садике, извинилась, что не может долго разговаривать, и пояснила:

— Наш совхоз в этом году не успел обзавестись огородом, приходится заготавливать овощи в соседних колхозах. Время не терпит, надо сегодня успеть еще хотя бы один рейс сделать. А пока вы познакомьтесь с нашими детьми. С ними воспитательница Клавдия Георгиевна Середа. Сейчас дети заняты трудом.

«Заняты трудом!» Интересно, что это за труд? У казахов есть поговорка: «Что увидит в гнезде — то схватит и в полете». Правильно сказано. Совхозные дети видят вокруг себя строящиеся дома, ежедневно слышат разговоры родителей о строительстве. И дети — трое малышей, — усевшись вокруг большого стола, тоже строили дом.

Чуть поодаль что-то оживленно обсуждали две девочки. Я прислушался к разговору. Они советовались, как лучше убрать квартиру своих кукол.

Есть ли большая радость, чем видеть, как дети с первых своих шагов приучаются к полезному делу, трудятся в меру своих маленьких сил!

ДОРОГИ В БУДУЩЕЕ

Прожив месяц в новых совхозах, выросших в этом году на землях нашего жайляу, я стал собираться в обратный путь. В последние дни я жил в Батпаколе — центре совхоза имени Докучаева. В Петропавловск отсюда была кратчайшая дорога прямо на восток. Но я направился на северо-запад. В этом направлении на пути лежит озеро Дос, и мне хотелось заехать туда.

Южный берег озера высокнй. Среди открытой, ровной как стол, бескрайной степи прибрежная возвышенность Доса казалась горой. Если взобраться на нее, взору открываются далекие-далекие просторы.

И вот я уже стою на берегу Доса. Вокруг необозримая степь, и вся она вспахана. Это уже бывшая целина. Я отчетливо представляю ее будущее: когда я приеду сюда в следующую весну, вся эта степь будет сплошным светлозеленым морем нежных всходов; позже, в июне—июле, море станет белесым, волнующимся, — стебли хлебов поднимутся ввысь, и колосья на них начнут тяжелеть, созреть. Но если я приеду еще позже, в августе или сентябре, то увижу сотни (а может быть, тысячи) степных кораблей — комбайнов, плывущих в золотых волнах разливного моря пшеницы, и сотни (а может быть, тысячи) автомашин, отвозящих от них на сыпные пункты щедрые дары этой земли — тяжелое, налитое силой, теплом и светом солнца зерно... Все это не фантазия, а близкая, реальная действительность!

Я радовался всем сердцем, что с просторов нашего жайляу, с полей моего родного Жаманшубара вольтется в хлебный фонд Родины немалая доля. И в то же время меня тревожил один вопрос — вопрос о дорогах.

Северные области Казахстана бедны благоустроенными дорогами. Нет здесь шоссейных дорог, соединяющих одну область с другой или областные центры с районами. В некоторых областях есть грейдерные (насыпные) дороги, но они без всякого покрытия. И беспрестанно курсирующие машины выбили на них такие ямы и ухабы, что шоферы предпочитают этим дорогам обыкновенные проселочные.

Не в лучшем состоянии и проселочные дороги. В старом кочевом ауле была поговорка: «Отец дороги — копыта...» Да, в те времена только копыта и прокладывали дороги. После присоединения казахских земель к России казахи по примеру русских стали ездить на телегах. С тех пор тропы, проложенная всадниками между аулами, стала трехколейной. Для лошади с телегой такие дороги были хороши. На пер-

вых порях и легковые машины пробегали по этим дорогам (я имею в виду дороги, проложенные на метро-вой толще чернозема Северного Казахстана) по 80—90 километров в час, и шоферы не могли нахвалиться. «Лучше асфальтированных!» — говорили они.

Теперь уже так не говорят. В последние годы выросло количество МТС и совхозов и еще больше — количество тракторов и автомашин в них. Обычные проселочные грунтовые дороги уже не выдерживают такой нагрузки. А в этом году, в первом году широкого наступления на целину, нагрузка на дороги возросла в несколько раз. Многие из них совсем вышли из строя.

В этом году подняты миллионы гектаров целинных и залежных земель. В следующем году они дадут десятки миллионов пудов хлеба. Но как вывезти столько зерна из глубинных пунктов при таком состоянии дорог? От совхозов, в которых я побывал, до ближайшей железнодорожной станции около двухсот километров. А сыпные пункты и элеваторы находятся при железнодорожных станциях. При хорошем урожае тысячи машин должны будут вывозить зерно непрерывно в течение двух-трех месяцев. Где же дороги, способные пропускать их бесперебойно? Хорошо, если осень не будет дождливой. Но как редки погожие осенние недели в этих краях!

Так я и стоял, раздумывая, когда вблизи послышался гудок автомашины. Я обернулся. Со стороны озера на высоту поднимались четыре вездехода «ГАЗ-69». Приблизившись к нам, машины остановились. Из головной легко выпрыгнул плотный человек среднего роста. Вслед за ним из других машин вышли еще несколько человек. Среди них я узнал Андрея Андреевича Калинина — заместителя председателя исполкома Северо-Казахстанского областного Совета. Остальные мне не были знакомы.

— И вы, оказывается, здесь?! — воскликнул Андрей Андреевич, здороваясь со мной. — Знакомьтесь! — и он отрекомендовал мне начальника шоссейных дорог, строящихся в Казахстане, Ивана Иосифовича Левитана.

Разговор сразу зашел о дорогах. И вылился в свои мысли и тревоги.

— И выходит, что дело совсем не безнадежное, ответил, улыбаясь, Левитан. — Вот мы и приехали строить беспокоящие вас дороги.

Мы утесились на траву, и Левитан разложил перед нами план строительства шоссейных дорог на ближайшие три года. Дороги пройдут через все новые совхозы, связывая их между собой, пересекая наше жайлау.

— Да это замечательно! — обрадовался я.

— Для края, где совсем не было дорог, это, конечно, чудо, — ответил, улыбаясь, Левитан. — Но это не все. Через области, поднимающие целину, будут проложены также железные дороги.

Андрей Андреевич вынул из полевой сумки кальку, развернул ее перед нами. Это была карта северных областей Казахстана.

— Это линии железных дорог, намеченных к постройке в 1955—1956 годах, — пояснил Калинин.

По плану, утвержденному правительством, в северных областях Казахстана будет проложено 2 132 километра новых железнодорожных линий, и они, как и шоссейные дороги, свяжут все хлебные области.

Дорога из Атбасара до Кургана пройдет мимо Жаманшубара и озера Дос. Одна из будущих станций расположится на берегу озера, и возле нее будет построен большой элеватор.

Теперь все мои мечты и желания, связанные с родным краем, бледнели перед действительностью, перед тем, какие перемены произошли в моих родных местах с весны 1954 года. По правде говоря, я не чаял при своей жизни видеть столько поднятой целины вокруг Жаманшубара и Доса. У меня и мысли не было, что я смогу увидеть своими глазами железную дорогу, которая пройдет по этим местам!

Но что собой представляет мечта одного человека, даже самая смелая, по сравнению с мечтой народа! Ведь жаманшубарцы мечтали о железной дороге к Досу еще в 1913 году. Правда, их мечта была очень скромной — каких-то восемь километров стальной колес, — и то тогда она была несбыточной... Теперь

здесь пройдет дорога протяжением около четырехсот километров.

Поговорив еще некоторое время об осуществленных мечтах, о действительности, которая краше, ярче и богаче мечты, я спросил Калинин и Левитана о том, как практически будет осуществляться строительство шоссейных и железных дорог.

Он рассказал, что строительство поручено мощным, хорошо оснащенным строительным организациям. Материалы и оборудование уже начали поступать на ближайшие железнодорожные станции.

— Коротче говоря, — заключил Левитан, — если в августе следующего года вы приедете в эти места на машине, то будете ездить по хорошим, новым шоссейным дорогам. А можно будет приехать сюда и на поезде!

Передо мной было постановление правительства о строительстве дорог. Я беседовал с людьми, которые будут руководить строительством, видел решимость и уверенность, с которыми они берутся за дело.

И мне виделась дорога. Широкие и прямые, они уходили в щедро освещенную солнцем даль, звали вперед и вперед...

Муканов Сабит Муканович
РАСЦВЕТАЙ, РОДНАЯ СТЕПЬ

Обложка художника *Л. Токмакова*

Редактор *З. Яковлева*

Художественный редактор *В. Плешко*

Технический редактор *Э. Петрова*

Л 4135 Подписано к печати 22 IX 1955 г. Бумага 84×103¹/₂ мм = 1,125 бум. л. = 3,7 печ. л. 3,6 уч.-изд. л. Заказ 1731 Тираж 90 000 экз. Цена 1 р. 10 к

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сушевская, 21.

Сабит Муканов

РАСЦВЕТАЙ, РОДНАЯ СТЕПЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1955